

NICOLAES WITSEN

Министерство просвещения
Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет»

Д. С. Лесков

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
НИКОЛААСА ВИТСЕНА
О НАРОДАХ ТАРТАРИИ И СИБИРИ

Екатеринбург
2024

УДК 394
ББК 63.529(2)
Л50

Л50 **Лесков, Д. С.** Представления Николааса Витсена о народах Тартарии и Сибири / Д. С. Лесков. — Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2024. — Текст : непосредственный. — 152 с. — ISBN 978-5-8050-0790-4.

В книге изложены представления образованного европейца XVII в. о народах, проживавших в европейской и сибирской частях Российского государства, об их обычаях, языках и религиозно-мифологических воззрениях.

Исследование представляет интерес для историков, студентов гуманитарных специальностей, а также для широкого круга читателей.

Автор выражает особую благодарность доктору исторических наук, профессору А. Г. Еманову за содействие в исследованиях.

Автор признателен Н. И. Зайцевой и Т. Л. Лесковой за участие в подготовке книги.

УДК 394
ББК 63.529(2)

ISBN 978-5-8050-0790-4

© Лесков Д. С., текст, 2024
© Пчелин И. А., иллюстрация, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Интеллектуальный Круг Николааса Витсена	25
Глава 2. Методы сбора информации и информаторы амстердамского эрудита XVII в.	42
Глава 3. Автор карты и книги о народах Кавказа, Крыма, Поволжья	61
Глава 4. Представления Николааса Витсена о народах Сибири	80
Заключение	122
Список источников и литературы	133

ВВЕДЕНИЕ

Труд Николааса Витсена «Северная и Восточная Тартария» стал одним из крупнейших трудов о народах, живущих на малоизученных в XVII в. территориях. В нем отражены представления автора о народах, быте, обычаях и географии Евразии, в т. ч. Сибири.

Исходя из этого, является актуальным изучение процессов исследования представлений Н. Витсена о народах Тартарии и Сибири. Также целесообразно выявить и проанализировать факторы, влиявшие на формирование его представлений о народах, проживавших на огромной территории; для этого необходимо изучить интеллектуальный горизонт Н. Витсена, методы сбора информации эрудита из Амстердама и его информаторов.

Многие стереотипы и представления Витсена о народах Евразии были достаточно длительное время распространены в мире, поскольку он был одним из первых авторов, собравших в одной книге сведения о многих народах континента. Кроме того, в свете исследований взаимодействия и контакта культур важно проанализировать представления европейского эрудита XVII в. и его информаторов об иных по отношению к европейцам народах.

Для анализа специальной и научной литературы отечественных и зарубежных исследователей и ученых, обращавшихся к наследию Витсена, выбраны работы некоторых историков, созданные в различные периоды. Естественно, в рамках данной книги невозможно охватить все исследования, поэтому предлагаются к рассмотрению труды ученых, обращавшихся к материалам «Северной и Восточной Тартарии» в XVIII столетии: Филиппа фон Страленберга, Герарда Миллера, В. Н. Татищева; XIX в. представлен работами П. А. Безсонова, Л. И. Шренка и И. И. Тыжнова. В XX в. труд Витсена представлял интерес в основном для историков, изучавших региональный компонент; это С. А. Белокуров, Георг Хеннинг, Джон Ф. Бэддли, М. П. Алексеев, А. И. Андреев, С. В. Бахрушин, Э. П. Зиннер, а также Урсула Менде.

В 1725 г. Филипп Таберт фон Страленберг опубликовал карту Тартарии (*Tartaria Magna*). Как и Витсен, он впоследствии (в 1730) дополнил карту книгой, которая называлась «Историко-географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии». В предисловии и введении

к этому труду Страленберг подверг работу автора «Северной и Восточной Тартарии» жесткой критике. Он писал, что многие ожидали чудес от большой карты Витсена, поскольку представляли, что она была весьма внушительных размеров и драгоценной — содержала кладезь точных географических сведений. Но Страленберг на собственном опыте убедился, что передвигаться по Сибири с этой картой было затруднительно, т. к. указанные на ней места «не были снабжены точными географическими долготой или широтой, большая часть этой огромной области мира была неправильно расположена на карте, малая часть географических названий Тартарии или Сибири верна, большинство существующих названий найти, однако, невозможно. В то время как на ней есть названия, которые русские, тартары, калмыки или язычники не понимают или не знают»¹. Говоря о «Северной и Восточной Тартарии», Страленберг отмечал, что всем известно, сколько времени и средств Витсен вложил в эту, несомненно, очень объемную книгу ин-фолио, украшенную множеством ценных рисунков. Однако сам Страленберг не ручался за верность изложенных в ней сведений.

Герарду Фридриху Миллеру как члену Петербургской академии наук изучение книги Витсена было необходимо для практических целей, а именно для составления географической карты России. «Северная и Восточная Тартария»

¹ Наарден Б. Николаас Витсен и Тартария // Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Т. 3 : Научные материалы. Амстердам, 2010. С. 78.

рассматривалась как источник необходимых для составления карты историко-географических сведений, прежде всего полученных Витсеном из России (как устных, так и письменных сообщений). В ходе исследований по результатам второй Камчатской экспедиции (1733–1743) историк также обратился к материалам из книги Н. Витсена. В своих последующих работах по истории Сибири Миллер снова использовал сведения из «Северной и Восточной Тартарии». Прежде всего он брал уникальную информацию, не содержащуюся в других источниках, бывших в его распоряжении. Например, в «Истории о странах при реке Амуре лежащих, когда оныя состояли под Российским владением»² Миллер приводил сведения Витсена о письме, которое Никифор Венюков привез из Пекина в 1686 г. Историк пересказывал содержание письма, указывая, что в «Северной и Восточной Тартарии» имеются два его перевода.

В «Описании Сибирского царства и всех произошедших в нем дел, от начала, а особливо от покорения его Российской державе, по сии времена» Миллер часто использовал сведения из книги Н. Витсена. При этом приоритет он отдавал сибирским летописям и архивным документам, дополняя их информацией, найденной в «Северной и Восточной Тартарии», и сопоставляя книгу Витсена с русскими источниками. Ситуация, когда часть информации, содержащейся у Витсена в одном абзаце, Г. Миллер считал

² Миллер Г. Ф. Избранные труды. Т. 1. М., 2005. С. 361.

достоверной, а часть — ошибочной или сомнительной, довольно типична. Например, о челобитной, отправленной Ермаком в Москву, Миллер писал: «К этому следует еще прибавить, что Ермак, как пишет Витзен (с. 739), в отправленной челобитной просил о милостивом прощении своих прежних вин и указывал царю на необходимость послать в Сибирь воеводу, который управлял бы ею по приказам его царского величества и защищал бы ее от всяких вражеских нападений. Витзен при этом говорит, что посланный ясак состоял из 60 сороков соболей, 20 черно-бурых лисиц и 50 бобров, и что, кроме того, были тогда же отправлены в Москву три знатных пленника. Однако эти последние известия подлежат сомнению, так как настоящее количество ясака едва ли могло быть известно чужестранцу, записавшему эти сведения, и, кроме того, в летописях ничего не говорится о том, что казаки имели в то время знатных пленников»³. «Капитальный труд голландского географа Витзена *Noord en Oost Tartarye* (1692), вышедший вторым дополненным изданием в 1705 г., представляя огромную компиляцию разнообразных и не всегда проработанных сведений об Азии, скорее будил любопытство, чем давал точно проверенные факты, и, составленный на довольно случайном материале XVII в., не удовлетворял тем требованиям, которые выдвигались хозяйственными запросами стремившейся к промышленному развитию страны. В той части, которая касалась Сибири, Витзен, в сущности,

³ Миллер Г. Ф. История Сибири // Там же. С. 231

оперировал почти исключительно материалом, почерпнутым из русских источников, новым и любопытным для западноевропейского читателя, но мало дающим русскому администратору и заводчику. Предстояло поэтому произвести самостоятельное обследование Зауральской колонии»⁴, — писал Г. Миллер.

С других позиций подходил к изучению книги Николааса Витсена русский государственный деятель — историк, географ, инженер Василий Никитич Татищев. Для написания истории России Татищев использовал как собираемые им рукописи исторического содержания, так и западноевропейские сочинения, в числе которых были и многие из тех произведений, которые послужили источниками для Н. Витсена⁵. Таким образом, книга коллекционера из Амстердама была для Татищева одним из тех трудов, в которых публиковались исторические или географические описания России, но составленные на базе других книг, а не собственных наблюдений, т. е. Татищев оценивал «Северную и Восточную Тартарию» с историографической точки зрения. Многие из книг, упоминаемых Витсеном, имелись в академической библиотеке, при этом не только европейских, но и арабских авторов. Иными словами, практически все книги, упоминаемые Витсеном, были доступны Татищеву в оригиналах или в переводах на русский язык,

⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999. С. 18.

⁵ Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по истории России // Татищев В. Н. История Российская. М. ; Л., 1962. Т. 1. С. 5–32.

а не в пересказе автора «Северной и Восточной Тартарии». Для Татищева значение книги Витсена умалялось и тем, что ее автор в Сибири никогда не был. Русский историк жил и работал там и на месте изучал русские летописи, документы и т. п. Ссылок на «Северную и Восточную Тартарию» Витсена в сочинениях Татищева было немного. Так, в «Общем географическом описании всея Сибири» (1736), перечисляя историков, которые писали о Сибири, начав с Геродота, вспомнив Плиния и Страбона, Д. дель Плано Карпини, А. Олеария, Э. Идеса, А. Бранта, Ф. Таберта Страленберга, В. Н. Татищев ничего не написал о Н. Витсене. Но в «Истории Российской» русский историк несколько раз ссылаясь на Витсена, отмечая, правда, лишь неточности в его труде. Приводя некоторые мнения о том, что историку необходимо знать красноречие, риторiku, Татищев рассуждал: «Все сии науки, как ..., хотя многополезны, однако ж, иногда на все те науки надеяться, а неученых презирать не должно. Ибо видим, что преславные философы, писав истории, погребши, как пример имеем о Самуиле Пуфендорфе, Роберте Байле, Витсене, бургомистре амстердамском, и других, что первые свои издания принуждены были исправлять, и не однократно»⁶. Раздраженно писал русский историк о том, что, используя полученные исторические или географические данные, Витсен вносил их в книгу без дополнительной проверки. В работе «О географии вообще и о русской» В. Н. Татищев, говоря о чертеже Сибири, выполненном

⁶ Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 157.

в царствование Алексея Михайловича, сослался на книгу амстердамского бургомистра: «Витсен, бургомистр амстердамский, объявил, что она [карта] на дереве вырезана и напечатана была, токмо по довольном от меня испытании никто не явился, чтоб оную напечатанную видел и, хотя сказывают, что есть в архиве Сенатской, токмо никто отыскать и показать мне не мог»⁷.

На примере трудов В.Н.Татищева можно проследить изменение отношения к книге Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» как к научному произведению. Особенности ее состава как свода печатных и устных источников приводила к тому, что в первую очередь она использовалась уже не столько как источник новых сведений, сколько как своеобразная библиография и хрестоматия. Изучение книг, на которые ссылался Витсен и которые он пересказывал или цитировал, приводило к тому, что сама «Северная и Восточная Тартария» становилась уже как бы пройденным этапом. Ученые в России обращались непосредственно к самим опубликованным источникам книги Витсена.

Спустя полтора века после выхода исследований ученых Академии наук XVIII в., посвященных карте и книге Витсена, ими снова заинтересовались русские специалисты по Сибири. П.А.Безсонов, историк литературы и убежденный славянофил, открыл для русской научной общественности рукописи Ю. Крижанича. Этот хорватский священник не только считался своего рода предвестником

⁷ Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 215.

панславизма, но также написал книгу о Сибири. Безсонов, вообще склонный фантазировать, считал, что Н. Витсен позаимствовал у Крижанича практически все знания о Сибири⁸.

В отличие от Безсонова, этнограф и зоолог Л. И. Шренк исследовал и критиковал книгу Витсена исключительно с научных позиций. В конце XIX в. он обстоятельно изучил главу о Даурии (области Амура) из «Северной и Восточной Тартарии», ведь Витсен был первым европейцем, подробно описавшим эти земли⁹. Шренк предполагал, что со сбором материала Витсену помог прежде всего А. А. Виниус. К примеру, Витсен включил в свою книгу подстрочный перевод «Сказания о великой реке Амуре» Н. Спасского, в то время как в России историк Г. И. Спасский издал его (перевод) только в 1853 г. Но Витсен использовал и другие источники. К примеру, русский этноним «гиляки», который казаки дали в XVII в. народу, проживавшему у реки Амур, встречался в «Северной и Восточной Тартарии» в различном написании, а на карте 1687 г. область проживания этой этнической группы была обозначена в различных местах. Изъяны и разночтения русских карт того времени и недостаточное знание Витсеном русского языка, случалось, приводили к тому, что одна и та же река могла быть указана на его карте неоднократно, да еще и под разными названиями. Шренк также отметил, что указания

⁸ Наарден Б. Николаас Витсен и Тартария. С. 93.

⁹ Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883. С. 97 и далее.

направления движения Витсен нередко понимал как географические названия, например Otmore (от моря) или Nasabate (на западе). Наибольшее недоумение вызывал топоним Otsel Poschel в месте, где Шилка и Аргунь сливались в Амур. Вероятно, на русской карте было написано: «Отсель пошел Амур»¹⁰. Тем не менее к сообщениям Витсена об Амурской области Шренк отнесся с уважением.

В 1887 г. И. И. Тыжнов, в то время еще молодой историк Сибири, написал статью, интересную тем, что она содержала около десяти страниц из «Северной и Восточной Тартарии», переведенных на русский язык. Данные цитаты касались освоения русскими Сибири в XVI в. С помощью переведенных отрывков Тыжнов показал, что Витсен был не вполне удовлетворен информацией об этом процессе, которую в начале XVII в. собрал другой голландец — Исаак Масса. Тыжнов считал, что Витсен воспользовался работой Ю. Крижанича, написанной спустя семь десятилетий после И. Массы, к тому же смог обратиться к местным источникам. «Северная и Восточная Тартария» рассказывала не только о Ермаке, но и о Строгановых и других «действующих лицах». Сравнив между собой эти противоречивые рассказы XVI в., Витсен смог создать многогранную картину освоения русскими Сибири. Тыжнов, владевший предположительно голландским, также составил довольно подробную биографию Витсена. Вслед за Шренком Тыжнов утверждал, что труд автора «Северной и Восточной

¹⁰ Там же. С. 97–101.

Тартарии» содержит ценную информацию о различных областях знаний¹¹.

Русский архивист и историк С. А. Белокуров в 1906 г. исследовал фрагменты «Северной и Восточной Тартарии», в которых говорилось о Сибири. Его интересовали возможные контакты между Витсеном и хорватским ученым Крижаничем¹².

В том же году немецкий историк географии Георг Хеннинг опубликовал «Сообщения о поездках по Сибири» (*Reiseberichte über Sibirien*). Эта книга включала детальный анализ содержания «Северной и Восточной Тартарии». Хеннинг воспринимал книгу Витсена как «особенно богатое по содержанию собрание сообщений», но критиковал многочисленные повторы и отмечал крайнюю небрежность автора в том, что касалось сообщений об источниках. Хеннинг попытался их установить. Его книга показывала, как Витсен обрабатывал сообщения от европейцев. Среди его осведомителей были Оливье Брюнель, Сигизмунд Герберштейн, Исаак Масса, Джон Меррик и Филипп Авриль; кроме того, известно, что информация поступала к Витсену и от людей, состоявших на русской службе, таких как Н. Спафарий, Ю. Крижанич, Э. Идес, В. В. Атласов, Ф. И. Байков, И. Петлин и казаки, оставшиеся анонимными. Одну из глав своей книги Хеннинг посвятил этнографии

¹¹ Тыжнов И. И. Обзор иностранных известий о Сибири 2-й половины XVI века // Сибирский сборник. СПб., 1887. С. 128–133.

¹² Наарден Б. Николаас Витсен и Тартария. С. 97.

Сибири XVII в., где прямо говорил о том, что зачастую именно Витсен первым (или по крайней мере первым подробно) зафиксировал в книжной форме информацию о различных сибирских народах¹³.

Основательное исследование книги и карты Витсена о Тартарии произвел британский путешественник и писатель Джон Ф. Бэддли. Он одним из первых европейцев посетил на Дальнем Востоке территории, примыкающие к русско-китайской границе, и вплотную занялся изучением связей между Россией, Монголией и Китаем в XVII в. В 1919 г. он опубликовал монументальный труд «Россия, Монголия и Китай», где неоднократно высказывался о Витсене с похвалой и энтузиазмом. Бэддли детально сопоставил карты Витсена и Страленберга, и его научные симпатии в основном оказались на стороне голландца. Кроме того, он десятки раз цитировал «Северную и Восточную Тартарию» в тексте своей книги¹⁴.

На протяжении почти двух столетий после издания труда Витсена русские историки полагали, что его карта и книга о Тартарии представляли большую ценность для русской истории, в особенности для истории Сибири. По мнению М.П. Алексеева, Витсен открыл «совершенно новую эпоху изучения европейцами Сибири». Об этом он писал в своем исследовании 1932 г., предметом которого были западноевропейские представления XVII в. о данной

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 98.

части России, в то время малоизученной. Ученый считал, что автор «Северной и Восточной Тартарии» заслуживал особого внимания, поскольку его труд не был переведен на русский язык. «Полные переводы трудов Витсена, естественно, невозможны»¹⁵, — писал Алексеев в то время. Как специалист по Сибири, он полагал, что в этом нет необходимости, потому что Витсен в своем труде уделил много внимания и другим регионам.

А. И. Андреев, опубликовавший в 1939 г. первую часть исследования об исторических источниках изучения Сибири, также считал заслуги исследования Витсена уникальными. До него ни один западный европеец не сделал так много, «создав своего рода энциклопедию о Сибири, включившую в себя прежде всего многочисленные русские источники». Андреев также сожалел, что «это драгоценное собрание материалов Витсена» было написано «на языке малодоступном». Отсутствие русского перевода «Северной и Восточной Тартарии» стало причиной пробела «в географической, этнографической и исторической литературе о Сибири XVII века». А. И. Андреев отмечал, что книга Витсена особенно ценна тем, что автор использовал информацию из русских источников, многие из которых были утрачены и установить их теперь не представляется возможным. Соглашаясь с Алексеевым в том, что в полном переводе на русский язык «Северной и Восточной Тартарии» нет

¹⁵ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932. Т. I. С. XII, XIV.

необходимости, Андреев считал нужным перевести только фрагменты труда, написанные на основе неизвестных русских источников¹⁶.

В наше время, когда перевод на русский язык опубликован, можно судить, насколько справедливы были утверждения М.П. Алексеева и А.И. Андреева. Действительно ли Витсен своим «энциклопедическим» трудом открыл «совершенно новую эпоху» в науке о Сибири? Такие утверждения, вероятно, не могли не вызывать сомнений, поэтому взгляды Алексеева и Андреева подверглись критике еще до 1939 года.

В 1937 г. не менее авторитетный историк Сибири С.В. Бахрушин оценил значение книги Витсена гораздо ниже. По его мнению, «Северная и Восточная Тартария» — объемный компилятивный труд, состоящий из очень разнородных и не всегда хорошо переработанных сообщений о Евразии; иными словами, труд основан на случайно полученной и непроверенной информации XVII в. о России. Как считал Бахрушин, книга, возможно, содержала много новой и познавательной информации для тогдашнего европейского читателя, но русским инициаторам освоения Сибири в XVIII в. от нее было мало пользы¹⁷.

В 1968 г. историк Э.П. Зиннер опубликовал монографию, в которой рассмотрел работы западных

¹⁶ Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л., 1939. С. 40–41.

¹⁷ Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 17–25.

путешественников и ученых XVIII столетия о Сибири. Хотя этот труд был представлен как продолжение идей М. П. Алексеева, Зиннер разделял скорее мнение о Витсене С. В. Бахрушина, чем Алексеева или Андреева. Историк считал, что европейская литература XVIII в. о Сибири отражала развитие естественных наук в эпоху Просвещения; от трудов предыдущего столетия она отличалась эмпирическим, систематическим характером и определенными границами, которые были обозначены между легендами и фактами, поддающимися проверке. Э. П. Зиннер утверждал, что Витсен безусловно принадлежал еще XVII столетию, поскольку не разграничивал четко легенды и факты, поддающиеся проверке; он, скорее всего, записывал полученные данные в порядке поступления и не систематизировал их согласно критическому научному принципу: «Трудно дать даже приблизительное представление обо всем богатстве материала в труде Витсена». Эта избыточность материала привела к тому, что «Северная и Восточная Тартария» стала хаотичной книгой, полной повторов¹⁸.

Возможно, Алексеев, Андреев, Бахрушин и Зиннер не могли основательно изучить книгу Н. Витсена на языке оригинала. Однако расхождения в их мнениях неслучайны, они демонстрируют реальные достоинства и недостатки «Северной и Восточной Тартарии». Похвала М. П. Алексеева Витсену была справедливой, поскольку

¹⁸ Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. С. 6, 26.

тот действительно проложил новые пути в исследовании истории Сибири. Объемом своей книги, происхождением ее материала и выбором ее предмета Витсен явно отличался от своих предшественников XVII века.

Оценка книги «Северная и Восточная Тартария» Алексеевым была подтверждена немецким историком Урсулой Менде, которая в 1968 г. назвала Витсена первым западным европейцем, широко использовавшим русские источники. Такая возможность у автора труда о Тартарии была исключительно благодаря его хорошим контактам в России, откуда к нему приходил материал. У. Менде считала, что сотрудничество между западными европейцами и русскими было характерным для значительной части научной литературы о России, появившейся после 1700 г. «Труд Витсена представляет новую группу литературы о России, которая стала преобладать в XVIII и XIX столетиях, и показывает, в какой степени изменился интерес к России»¹⁹.

Характеристика основных источников, привлеченных для раскрытия темы, составлена с учетом научно обоснованной типологии. Источники разделены на группы, каждая из которых позволяет изучить определенные аспекты представлений Николааса Витсена о народах Евразии, а также сопоставить данные автора книги о Тартарии и его информаторов с данными современных ученых о картографии, этническом составе населения и представлениях народов Евразии об окружающем мире и самих себе

¹⁹ Наарден Б. Николаас Витсен и Тартария. С. 41.

в эпоху исследователя. Иерархия групп источников построена исходя из значимости той или иной группы источников для изучения представлений Витсена о народах, населявших огромную территорию. Группы посвящены научному и эпистолярному наследию Витсена, изучению источников автора труда, с соответствующим названием группы наименованием источника. Принцип группировки — степень значимости для решения задач исследования.

Научное наследие Витсена представлено двумя книгами. Репрезентация и изучение данной группы источников позволит определить представления Николааса Витсена о народах Тартарии и Сибири как на ранних этапах, так и в последующие периоды его жизни. Книга «Путешествие в Московию, 1664–1665 гг.» демонстрирует ранние представления Н. Витсена о Евразии. Объемнейший труд «Северная и Восточная Тартария» в трех томах представляет собой совокупность письменных сообщений автора и его информаторов о народах Евразии (Тартарии и Сибири), их традициях и обычаях. Язык оригинала — староголландский.

Эпистолярное наследие Николааса Витсена. Эта группа источников объединяет письма Н. Витсена, она дает возможность лучше понять круг его общения и информаторов. Данное собрание писем издано в Лондоне; язык оригинала — староголландский, перевод с английского.

Информаторы Н. Витсена. Перечень информаторов Витсена, представленный ниже, включает личностей, имена

которых точно установлены. Известны сведения о том, кем были эти люди, какое общественное положение занимали и какую информацию предоставляли автору книги о Тартарии. Это боярин Фёдор Алексеевич Головин; дипломат Андрей Андреевич Виниус; стрелецкий глава в Анадыре Владимир Васильевич Атласов; историк-этнограф, политик Юрий Крижанич; хан калмыцкой орды Аюк Хан; голландский офицер на русской службе Людовик Фабрициус; секретарь шведского посла в Россию и Иран Л. Фабрициуса Энгельберт Кемпфер; голландский дипломат Иоганн Виллем ван Келлер; глава торговых дел в Японии от Ост-Индской компании (далее также ОИК) Андреас Клейер; и лингвист, ботаник, купец Герберт де Ягер. Кроме того, подчас его информаторы указывались не под своими именами и титулами, а назывались лишь по должности и роду занятий. В некоторых случаях автор труда о Тартарии указывал лишь небольшие сведения об информаторах или то, чем они занимались, без подробностей. Например, первым информатором о Дальнем Востоке был некий знатный польский господин, а одним из информаторов по северу Сибири назван русский охотник Иванов.

Археологические источники Н. Витсена включали множество предметов быта каменного, железного и бронзового веков, выкопанных в сибирских курганах и доставленных автору книги ин-фолио. Самые знаменитые из них — так называемые сибирские шеде: две статуэтки крылатых быков египетской или сирийской работы из золота, примерная датировка — бронзовый век. Также знамениты зеркала

китайской работы II в. н. э. из бронзы и стекла. На зеркале существовала иероглифическая надпись на древнекитайском языке — пословица: «Глядя сюда, помни, что время быстротечно». Кроме этих предметов в коллекции Витсена присутствовало множество других археологических источников, служивших материальным подтверждением его не всегда правильных выводов о прошлом Сибири. Так, опираясь на факт наличия в древних сибирских раскопах предметов из Египта и Китая, ученый-любитель писал, что ранее Сибирь населяли египтяне и китайцы.

Лингвистические источники. Данная группа источников содержала топонимы и ономастику Сибири XVII в., а также источники, из которых Н. Витсен черпал сведения о названии народов Евразии, об их языках. Среди подобных источников крупнейшим, скорее всего, следует считать «Хорографическую книгу Сибири» Семёна Ремезова, составленную для Петра I в период с 1696 по 1701 г. Книга известна под названием «Атлас городов, рек и озер Сибири, составленный тобольским сыном боярским Семёном Ульяновичем Ремезовым с сыновьями». Помимо картографической информации в книге имелось приложение на металлических пластинах с перечнем названий народов и рек Сибири. Также известно, что для Витсена составлялись словари языков народов Евразии; например, иезуиты из Китая составили для него словарь китайского языка. Правда, неизвестно точно, кто был автором этого словаря. Кроме того, автор книги о Тартарии сам создавал словари ономастики, не всегда, впрочем, указывая свои источники.

Картографические источники. Группа включала источники по картографии Евразии, которыми пользовался Н. Витсен. Наиболее важными из них были «Руководство по географии» Клавдия Птолемея и «Естественная история» Плиния; также он изучал книгу С. Герберштейна «Записки о московитских делах». Также картограф из Амстердама, вероятно, знал северные дорожки Георгия Траханиотова, не дошедшие до нас, и другие источники. Таким образом, автор «Северной и Восточной Тартарии» использовал широкий круг картографических источников, как опубликованных при его жизни, так и не опубликованных, но впервые использованных им. Например, явно с разрешения Петра I Витсен впервые использовал материалы С. У. Ремезова.

Этнографические источники. Эта группа объединяла источники по этнографии и топонимике народов Евразии XVII в., которые использовал Н. Витсен для сбора этнографических сведений о народах Тартарии и Сибири, в т. ч. хорографическую книгу С. У. Ремезова; топонимы; письма информаторов, в частности Ю. Крижанича, о народах Севера; «сказки», составленные Владимиром Атласовым. Витсен собирал коллекцию ритуальных предметов народов Сибири. Следовательно, этнографические источники Витсена были разнообразны и включали письменные и устные, а также материальные источники — например, костюм и бубен бурятского шамана, шкуру медведя, поделки из кости моржа, уменьшенную копию деревянного идола хантов, рисунки орнаментов народов Севера.

Фольклористические источники. Данная группа состояла из легенд и сказаний, которые использовал

Н. Витсен в своем исследовании, в т. ч. библейских, апокрифических источников, легенд народов об их происхождении и родах их правителей, легенд о распространении христианства, повлиявших в целом на представления автора книги ин-фолио о разных народах. Большое влияние на него также оказало предание о пресвитере Иоанне, хотя впоследствии Витсен признал, что это легенда. Нидерландский эрудит также принимал за правду сказание о правителе тунгусов, который теперь правит в Китае. Эту легенду ему рассказал тунгусский князь Гантемур (Гун Темер). Вдобавок Витсен считал, что легенда об амазонках тоже правда и калмыки — потомки амазонок. Он использовал легенду Ветхого завета об общемировом распространении евреев по всему свету, чтобы аргументировать вероятность того, что часть евреев заселила Америку. Слова апостола Фомы: «Я есть апостол Индии» для Витсена были доказательством, что в Индии когда-то было слово Спасителя. Таким образом, часть фольклора для него была сказкой, а часть — сущей правдой. Как правило, фольклор использовался Витсеном в тех случаях, когда другие источники отсутствовали.

В данной работе предполагается использование метода интеллектуальной истории, а также метода имагологии, а именно того раздела исторической имагологии, который изучает формирование образа чужеземцев и восприятия их культуры. Метод интеллектуальной истории предполагает изучение интеллектуального круга автора книги о Тартарии и его идей через призму научных знаний и представлений той эпохи.

ГЛАВА 1

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КРУГ НИКОЛААСА ВИТСЕНА

Для определения степени влияния тех или иных знаний на представления Николааса Витсена о народах Тартарии и Сибири необходимо проанализировать его интеллектуальный круг и выявить, какими знаниями и компетенциями обладал эрудит из Амстердама. В первую очередь надо отметить, что Витсен был высокообразованным человеком своего времени, он был доктором права и государственным деятелем Нидерландов XVII века.

Азией Витсен начал интересоваться еще в молодости. Его привлекал Восток, он стремился познать неизведанные края, в которых когда-то правили великие завоеватели Тамерлан и Чингисхан, равные, по его словам, Александру

Великому, но незаслуженно забытые европейцами. Кроме того, Витсен, по собственному признанию, хотел познать неизведанный мир и изучить малоизвестные в тот момент европейцам регионы Сибири, Центральной Азии, Монголии и Европейской России: Крыма, Кавказа, Предуралья. В то время эта область фигурировала в европейских источниках как Тартария. Позднее он стал интересоваться этим регионом как один из глав голландской Ост-Индской компании, искавших путь в Индию по северным морям и новые земли для колоний в Северной и Восточной Евразии.

Для Н. Витсена Тартария была обширной областью, населенной тартарами. В XVII в. так назывались все, преимущественно кочевые, народы, которые жили в основном в Центральной Азии, Сибири, Монголии, частично в европейской части Российской империи. Необходимо подчеркнуть: в XVII столетии в Сибирь входили территории не только современного Дальнего Востока, но и Северного Казахстана. Название Тартария давно вышло из употребления; в современной традиции эти земли известны как Центральная, или Внутренняя, Евразия. К ним относятся в основном засушливые равнины на севере и востоке Евразийского континента, где раньше проживали кочевые народы. Природными условиями и историей цивилизации Внутренняя Евразия очень отличается от Евразии Внешней, то есть Западной Европы, Индии и т. д., большей частью окруженной морями и населенной народами, занимающимися в основном земледелием.

Исторический кругозор автора «Северной и Восточной Тартарии» начал формироваться еще в юности, когда он познакомился с античными произведениями по географии и истории, а также с трудами арабских географов, которые тогда еще влияли на представления европейцев об Азии, хотя впоследствии Витсен критиковал арабов за то, что они многое написали ложно или стерли из тщеславия, чтобы очернить монголов и убедить всех в своей учености.

Несмотря на то, что Николаас Витсен с ранней молодости интересовался Азией, его исследования носили лишь характер увлечения, поскольку по образованию он был юристом. Но впоследствии он изучил картографию и геологию, прочитал сочинения известных ученых. Наиболее важными из них были труды Клавдия Птолемея «Географическое руководство» и «Естественная история» Секунда Плиния. «Географическое руководство» Птолемея, выдающегося античного астронома и географа, — это труд, который заложил основу для дальнейшего развития географии в арабских странах и Европе Нового времени. Автор «Северной и Восточной Тартарии» использовал информацию из труда Птолемея как источник для описания многих регионов Евразии¹. Энциклопедическое сочинение Плиния «Естественная история» в 37 книгах, значительная часть которого (книги 3–6) посвящена географии, до конца XVIII в. рассматривалось как образцовый научный

¹ Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Т. 3. С. 246.

труд. Витсен в своей книге часто ссылался на этот труд знаменитого римского государственного деятеля². Очевидно, что автор книги о Тартарии изучал труды греческого географа и писателя Страбона, римского географа и лингвиста Юлия Солинуса «Собрание достойных упоминания вещей», римского географа Помпония Мелы «О строении Земли» (в 3 книгах) и др., а также книгу Сигизмунда Герберштейна «Записки о московитских делах». Кроме того, голландскому эрудиту, вероятно, были известны северные дорожники Георгия Траханиотова, не дошедшие до нас, и другие источники. Таким образом, на формирование интеллектуального круга Витсена оказали большое влияние научные воззрения, сформировавшиеся в Европе к концу XVII века.

К сочинениям, входившим в интеллектуальный круг картографа, можно причислить книгу Джованни дель Плано Карпини «История монголов, которых мы называем тартарами». Д. дель Плано Карпини — выходец из Северной Италии, дипломат и миссионер из Ордена доминиканцев — жил в XIII в. В 1245 г. он был отправлен Ватиканом с дипломатической миссией к монгольскому хану. Во время путешествия описал многие регионы Евразии, включая Монголию, приволжские степи, Южный Урал и Поволжье, также составил географическое описание своего путешествия. В заметках о Монголии он сообщил об обстоятельствах создания Монгольской империи, описал ее быт, обычаи, традиции, наследственное право,

² Там же. С. 245.

военную организацию и фортификационные сооружения монголов. Дипломат был инициатором (одним из первых) крестовых походов против монголов. Впрочем, эта идея так и не была реализована. Труд дель Плано Карпини Витсен использовал при описании Поволжья и южных приуральских степей, хотя некоторые выводы путешественника-миссионера Витсен считал вымыслом.

Спустя шесть лет после возвращения Плано Карпини францисканский монах, фламандец Вильгельм (Гильом) Рубрук (Рубрукис) был послан к монголам с дипломатической миссией французским королем Людовиком IX. Это было самое значительное до Марко Поло путешествие европейца по Внутренней Азии. Весной 1252 г. Рубрук и его спутники отправились в Константинополь; переплыв Черное море, двинулись к низовьям Волги, где была ставка Батые. Маршрут Рубрука примерно совпадал с маршрутом Плано Карпини. В дипломатическом отношении путешествие Гильома Рубрука не принесло никакой пользы — христианская Европа не получила желанной помощи в борьбе против мусульманства. Однако это путешествие немало расширило знания о Центральной Азии, о которой фламандец оставил превосходное сообщение; написанное на латинском языке сочинение впервые опубликовано в 1589 г. Сообщение о путешествии Рубрука Витсен упоминал как труд, оказавший на него значительное влияние, поскольку Рубрук был первым, кто так точно описал Прикаспийский регион.

Историко-географический кругозор Витсена пополнился прочтением книги Марко Поло, сына венецианского купца, который с 1271 по 1295 г. путешествовал по Азии вместе с отцом и дядей, побывав в Китае, Персии и т. д. В 1299 г. Марко Поло написал «Книгу чудес света» — свои воспоминания о далеком странствии. Это произведение на тот момент являлось едва ли не единственным источником знаний Запада о Южной и Восточной Азии. Марко Поло не был географом, поэтому расстояния в его сочинениях оказались намного завышены, вследствие чего картографы составили не совсем точные карты. Зато описания жизни восточных народов, искусно изложенные наблюдения оказались бесценны. Благодаря Поло Европа узнала не только о бумажных деньгах и городах с миллионным населением (впрочем, в это верили далеко не все), но и об островах Ява и Суматра, о стране Чипингу (Японии), о Цейлоне и Мадагаскаре.

Значительное влияние на мировоззрение Николааса Витсена оказал Якоб Гоол (Якобус Голиус). Именно под его воздействием у эрудита из Амстердама зародилось стремление изучать Внутреннюю Евразию. Нидерландский путешественник Якобус Голиус считался одним из ведущих востоковедов Европы своего времени. Он был секретарем двоюродного деда Витсена, служившего на Ближнем Востоке. В 1622 г. Голиус в составе голландского посольства приезжал в Марокко, там он изучал местные старинные документы и хроники. Для углубления знаний о Ближнем

Востоке Голиус в 1626–1629 гг. совершил путешествие по Сирии, Аравии, посетил Стамбул. Известность ему принесли в первую очередь работы по востоковедению, в частности главный труд его жизни — Арабо-латинский словарь (*Lexicon Arabico-Latinum*), в течение ряда поколений остававшийся образцовой работой в данной области. Востоковед обучал Витсена арабскому языку; также тот получил от Голиуса «основательное образование по восточным странам»³. Когда Витсена пригласили для участия в посольстве в Московию, его учитель дал ему своего рода вопросник о нашей стране. Голиус, помимо прочего, интересовался сохранившимися старинными русскими хрониками, протяженностью страны на восток, наличием месторождений металлов и системой мер и весов.

Кроме вышеперечисленных, не менее важным источником информации для Витсена стал труд известного исследователя Олеария «Описание путешествия в Московию». Адам Олеарий — секретарь и советник голштинского посольства в Московии и Персии, ученый, автор описания путешествий. В 1633 г. он отправился с посольством в Московию и Персию для установления торговых отношений с этими странами и подробного научного их описания. Заметки о путешествии Олеария — замечательный источник для понимания быта русских в XVII столетии. Он неоднократно и подолгу бывал в России, изучил всё, что было написано о ней

³ Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Т. 3. С. 55.

на Западе, и умело пользовался трудами своих предшественников. Известий С. Герберштейна, П. Иовия, А. Гваньини он не принимал на веру, а критиковал их, ошибки их исправлял. Описание путешествия Олеария впервые издано в 1647 г. в Шлезвиге. В нем просто и живо излагались события, произошедшие во время путешествия, впечатления и размышления исследователя. Сочинения А. Олеария произвели большое впечатление на автора «Северной и Восточной Тартарии»; Витсен писал, что этот очень известный в то время труд Олеария был вручен ему «крещеным русским» (А. А. Виниусом), он отмечен комментариями в его записках *Moscoviche Reyse* (эти записки не были переведены и изданы на русском языке).

В интеллектуальный круг Витсена также входил труд Мендосы де Палафокса, епископа Осмы, который содержал описания тартар из Ниухе. Бургомистр из Амстердама использовал в книге некоторые замечания о характере отношений и действий тартар Ниухе (маньчжуров), которые покорили Сину (Китай). Эти сведения извлечены из испанской книги рассказов Палафокса, в которой подробно проанализирован переход государства Сины к тартарам.

Большое влияние на интеллектуальную компетенцию Витсена оказали русские информанты; одним из них был сын тарского воеводы Фёдор Исакович Байков. В 1654 г. он был отправлен из Тобольска с посольством в Сину «для присматривания в торгах и товарах и в прочих тамошних поведениях». Почти два года посольство добиралось

до Канбалыка (так русские называли в то время Пекин). Но переговоры превратились в «перепирательства», и посольство потерпело неудачу; скорее всего, из-за активного продвижения России к китайским рубежам. Вернувшись в Москву, Байков подал в посольский приказ «статейный список», т. е. отчет-описание своего путешествия. Это описание стало весьма заметным явлением в средневековой русской географической литературе и, при чрезвычайной сжатости изложения, отличалось богатством и точностью сведений. При крайней недоступности Китая в XVII в. описание Байкова послужило весьма важным вкладом в географическую науку и скоро стало известным в Западной Европе. Витсен, будучи в России, достал копию с донесения Байкова, и извлечения из «списка» включил в свое сочинение «Северная и Восточная Тартария».

Иными словами, в интеллектуальный круг Витсена входили труды известных ученых античного периода, арабские книги из коллекции его двоюродного деда, исследовательские и описательные труды европейских и русских путешественников, дипломатов, миссионеров XIII–XVI столетий. Все представленные исследования путешественников оказали большое влияние на исторический кругозор автора «Северной и Восточной Тартарии».

Анализируя формирование интеллектуального круга Витсена, надо отметить, что значительное влияние на этот процесс оказала христианская этика, а именно: Священное Писание, библейские и апокрифические источники,

труды деяний апостолов он воспринимал как совершенно реальную информацию. Кроме того, Витсен являлся представителем образованной части европейского общества, обладал эрудицией, любопытством и наблюдательностью. Поэтому, безусловно, на его мировоззрение большое влияние оказало стереотипное мышление европейцев, заключавшееся в превозношении ценностей своего общества и неприятии ценностей другого. Это было вызвано европоцентризмом (Европа — центр мира), превозношением европейских идеалов и традиций своей родины и делением мира на своих и варваров — чужеземцев.

В 24 года (в 1664), когда Витсена мало что связывало с Россией, будучи юристом, он вместе с отцом попал в Москву и лично общался с некоторыми тартарами, калмыцкими князьями и царем Александром Багратиони; тем самым его интерес к Евразии укрепился. Витсен прибыл в Москву в молодом возрасте, однако ко времени путешествия имел опыт участия в посольстве в Англию и защитил диссертацию по правоведению, получив степень доктора права в Лейденском университете.

Книга «Путешествие в Московию» Витсена показывала, что в Москве он проявил умеренный интерес к проблемам посольства, главной задачей которого было содействие торговым интересам Нидерландов. Свое пребывание он использовал в основном для того, чтобы больше узнать о Российском государстве и о землях к югу и востоку от него. Втайне и вопреки воле властей он посетил изгнанного

из Москвы патриарха Никона. Голландского купца Яна ван Свейдена он расспрашивал о землях за Уралом; пообщался с самоедами и нагайским тартарином, провел беседу с калмыцким князем Джалбоем, находившимся в Кремле в качестве заложника. Витсен несколько раз встречался с бывавшим в Москве митрополитом Газы, православным прелатом с Ближнего Востока; посетил торговавшего в Персии русского купца Кириллова и торговавших в России персов. Он также говорил с высокопоставленными чиновниками Посольского приказа, одним из которых был Л. Т. Голосов, знавший латынь и выразивший готовность поддерживать переписку с Витсеном после отъезда голландского посольства из Москвы⁴.

Книга Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» была составлена на основе коллекции различных писем его корреспондентов, древних античных и арабских книг, из которых амстердамский эрудит черпал информацию о прошлом некоторых описываемых им народов. Поэтому существовало мнение исследователей, что труд Витсена не больше чем хаотичное собрание писем, отчетов и выдержек из книг других авторов, к которым сам автор труда о Тартарии не имел отношения или имел отношение лишь к сбору документов. Однако он не только собирал материалы об интересовавшем его регионе, но и порой вставлял в текст свои комментарии, а также располагал донесения

⁴ Рогожин Н. М. Посольский приказ: колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 104–105.

в порядке их получения и исправлял в источниках то, что считал неточностями. В процессе разбора источников перед ним вставали проблемы языка, особенно при изучении русских, китайских и монгольских текстов, а также польских и французских, т. к. в интеллектуальный горизонт Витсена входили только знание латыни и староголландского языка. Следовательно, многие источники попадали к нему лишь переведенными по несколько раз, возможно с ошибками. Не зная языка оригинала текста, например русского, и пытаясь найти адекватный перевод, он порой искажал названия и целые слова. Так, торговля судами на Лене превратилась в «торговлю людьми», а город Тобольск — в Тобол: «Из Даурии попадают в Тобол, главный город Сибири, сперва по Енисею до Енисейского, оттуда в Кетской, Нарын и Сургут, а затем в Тобол»⁵.

В книге о Тартарии автор приводит словари языков народов Евразии и материалы, представленные его информаторами из разных стран: России, Франции, голландской Индии, Англии и т. д. Вероятно, для Витсена осуществлялся перевод, в т. ч. русских текстов и словарей языков иноземцев, либо на латынь, либо на староголландский, поскольку сам он к моменту написания книги знал лишь латынь и родной язык. Следовательно, он не мог знакомиться со многими источниками в оригинале и часто был вынужден довольствоваться их не всегда точными переводами. Эти переводы для Витсена выполняли

⁵ Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Т. 1. Амстердам, 2010. С. 136.

те информаторы, которые хорошо знали как староголландский, так и, в частности, русский язык. Например, голландец А. А. Виниус, через которого Витсен контактировал с Петром I, с семьей долго жил в России и неплохо знал русский язык. Однако переводы не всегда были точны, а словари терминов и иноземных слов — адекватны. Неточности в иностранных словах, топонимах и словарях иноземных языков, привнесенные в труд исследователя, существенно повлияли на географические ошибки в карте и на спорную достоверность словарей языков народов Евразии, приведенных в книге. В труде часто встречаются географические ошибки, вызванные не только географическими представлениями того времени, но и трудностями перевода текста источников автора «Северной и Восточной Тартарии» с языка оригинала на староголландский. Именно по причине не всегда качественного перевода и незнания Витсеном русского языка закрались в книгу такие ошибки, как «Земля Собак», «город Тобол» и «Красный Яр». Также вызывает сомнение достоверность трактовки энциклопедистом словарей аборигенов. Вероятно, он составлял их сам, вероятно, с помощью переводчиков, но проверить это невозможно, т. к. автор труда не указывал источников происхождения словарей. Ошибки в словарях и топонимах приводили к причудливым выводам автора книги о Тартарии: например, река Хуанхе превратилась в «реку Хуан», поскольку информатор Витсена перевел слово как «грязная». Подобные неточности в трактовке

данных, получаемых Витсеном, существенно влияли на его труд и его представления об этих обширных территориях.

Анализ представлений европейского исследователя о языках народов Евразии позволит выявить степень знания языков изучаемых народов и возможность использования им источников на языке оригинала или же переводных источников. Прояснение знания автором «Северной и Восточной Тартарии» языков народов Евразии позволит поставить точки в некоторых аспектах критики труда исследователя. В частности, Г. Миллер писал, что Витсен не мог в полной мере заниматься изучением Евразии, поскольку не знал языков народов, населявших ее⁶.

В исторической науке распространено мнение, что Витсен не владел языками евразийских народов. Наиболее существенным аргументом в пользу этого мнения служило отсутствие информации о занятиях картографом изучением языков, за исключением голландского, французского и латыни⁷. Однако М. П. Алексеев⁸, занимаясь изучением сибирских материалов Витсена, допускал возможность знания им некоторых местных языков. Таким образом, вопрос о знании Николаасом Витсеном евразийских языков можно считать открытым.

⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rusi6/Miller_2/index.phtml?id=7643. Дата обращения: 25.05.2015.

⁷ Витсен Н. Северная и Восточная Тартария [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Vitsen/pred.phtml?id=271>. Дата обращения: 25.05.2015.

⁸ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей: XIII–XVII вв. Ч. 1. Иркутск, 1934. С. 139.

С помощью лингвистического анализа и сравнения исследуем труд Витсена, а также некоторые из его источников, в результате чего можно сделать вывод о знании или незнании им языков народов Тартарии и Сибири.

В пользу версии о знании Н. Витсеном языков евразийских народов говорит его хорошая осведомленность о некоторых нюансах языковых систем. Так, сообщая о Японии, он описывал две системы письма; автор «Северной и Восточной Тартарии» делил их на синскую (заимствованную у китайцев) и местную⁹. Это сообщение практически полностью соответствовало действительности. В Японии существует три основные системы письма: кандзи — письмо иероглифами китайского происхождения, хиригана и катана — местные слоговые азбуки. Вполне возможно, что Николаас Витсен был знаком с основами японского языка, изучив их с помощью голландских резидентов или моряков.

Информаторы сообщили ему, что язык югорцев отличался от остальных сибирских языков, но был близок к венгерскому¹⁰. Такая языковая близость позволила голландскому картографу сделать вывод о Югре как прародине венгров. Позднейшие исследования показали ошибочность этих утверждений, однако в 70-х гг. XX в. лингвистам удалось доказать родство венгерского и самодийского (югорского)

⁹ Витсен Н. Северная и Восточная Тартария [Электронный ресурс].

¹⁰ Там же.

языков¹¹. Очевидно, Витсен знал основы венгерского и мансийского языков, однако остается неясным, кто мог учить его этим языкам. Долгое время считалось, что Г. Миллер был первым исследователем, который пытался проследить родственные связи сибирских народов с помощью анализа их языков¹²; однако знакомство с работой Витсена дает право назвать его первопроходцем в этом деле.

Переписка Н. Витсена с отцом Антониусом Перейром, иезуитским посланником в Китае, позволяет предположить о вероятной информированности автора книги ин-фолио о китайском и маньчжурском языках. Кроме того, благодаря связям с сибирским наместником Ф. А. Головиным и с иезуитом, советником при синском посольстве, отцом Жаком Жербионом автор «Северной и Восточной Тартарии» мог познакомиться с языком тунгусов. Витсен утверждал, что тунгусы и маньчжуры, которых он называл нихайскими тартарами, говорили на одном языке и этот язык был довольно распространен в Китае. Современные исследователи относят маньчжурский и тунгусский языки к одной тунгусо-маньчжурской языковой группе.

Однако с языками многих народов Евразии Витсен был знаком намного слабее. Например, он не смог найти язык, родственный калмыцкому, хотя общался с несколькими монгольскими князьями, а калмыцкий и монгольский языки весьма схожи. Причем эрудиту из Нидерландов было

¹¹ Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985. С. 16.

¹² Бахрушин С. В. Миллер Г. Ф. как историк Сибири [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_2/framepred1.htm. Дата обращения: 25.05.2015.

известно, что у монголов существовало два языка: один — деловой, светский, похожий на китайский, он использовался для деловых бумаг; старые же хроники о героях и священные книги монголов были написаны на другом варианте языка, который, возможно, не имел отношения к китайскому языку, а являлся самостоятельным письменным языком монголов, иероглифы которого отличались от китайских. Однако сами монголы этот священный язык уже, как правило, забыли, поэтому с трудом читали собственные древние хроники о великих делах.

Таким образом, есть основание полагать, что Витсен был знаком с основами некоторых евразийских языков: японским, китайским, маньчжурским. Также он имел возможность изучить арабский, поскольку известный в Европе востоковед Я. Голиус обучал его арабскому языку. Следовательно, Витсен мог знать некоторые языки достаточно неплохо для того, чтобы делать выводы о родстве языков различных народов, но степень ознакомления Николааса Витсена с этими языками остается неизвестной.

Проанализировав широту интеллектуального круга автора «Северной и Восточной Тартарии», можно утверждать, что он интересовался Евразией на протяжении долгих лет. Витсен изучал не только прошлое и настоящее региона, но и его (региона) природные богатства, флору и фауну; языки, обычаи и быт народов Тартарии и Сибири. Научные воззрения XVII в., так же как и христианская этика, оказали влияние на формирование интеллектуального круга Н. Витсена и его представлений о народах Евразии.

ГЛАВА 2

МЕТОДЫ СБОРА ИНФОРМАЦИИ И ИНФОРМАТОРЫ АМСТЕРДАМСКОГО ЭРУДИТА XVII В.

Вторым по важности после представлений Николааса Витсена об окружающем мире и его интеллектуальном круге фактором, влияющим на представления автора труда о народах Тартарии и Сибири, следует признать методы сбора и анализа информации, которыми пользовался нидерландский собиратель XVII века.

Сбор информации о Тартарии стал делом всей жизни голландского государственного деятеля и ученого-любителя Николааса Витсена. В 1687 г. он создал большую карту этого региона, а в 1692 г. завершил обширный и крайне

подробный комментарий к ней — книгу под названием «Северная и Восточная Тартария». Так как Тартария была обширной и малоизвестной областью, невозможно было считать верным любое сообщение о ней, поэтому Витсен старался включить в книгу как можно больше разнообразных сведений.

Если Псков, Новгород, Торжок, Тверь и Москву Витсен посетил, то в остальной части Московского государства никогда не был. Он описывал эти земли исходя не из собственного опыта, а по сообщениям других лиц, которые собирал на протяжении десятилетий. Автор книги ин-фолио прибегал к трудам ученых-классиков античного времени и средневековых арабских авторов, которые в XVII в. еще пользовались большим влиянием. Также он использовал исследовательские и описательные труды путешественников, дипломатов, миссионеров XIII–XVI столетий, как европейских, так и российских. Но, конечно же, современные сведения о Тартарии интересовали его гораздо больше, поэтому в работе Витсен стремился опираться на источники своего времени. «Я поставил перед собой задачу составить карту и описание этих малоизвестных земель, так как имел возможность беседовать со многими тартарами, греками, персами и с людьми, побывавшими в плену в азиатских странах. Беседовал я с синцами, наблюдавшими Тартарию и передавшими мне как синские, так и тартарские письма; имел сообщения от нидерландцев, побывавших в Пекине и Хоксиу. Кроме того, я получал известия как из самой

Тартарии, так и из Московии, Астрахани, Сибири, Персии, Грузии, Турции. Даже из Индии получал я описания жизни в странах востока и северо-востока Азии: из Ниухе, Мугалии, Калмакии, Алтына, Сибири, Самоедии, Тингусии, стран, лежащих за Синской стеной. Используя материалы древних и современных писателей, я и составил карты и описания тех стран»¹.

При изучении сведений о народах Тартарии и Сибири Н. Витсен использовал многие источники; их можно разделить на несколько видов. Начнем с письменных сообщений корреспондентов и информаторов, которые присылали Витсену данные о различных регионах Евразии, Америки и Австралии. Среди этих информаторов были путешественники, агенты иезуитов в Китае и Японии, сибирские должностные лица, например наместник Ф. А. Головин, и также монгольские князья, с которыми Витсен общался через переводчика, а порой через нескольких.

Когда сведений о тех или иных народах из писем или сообщений информаторов Витсену не доставало, он обращался к сочинениям прежних авторов, писавших о Евразии: от трудов Птолемея и Плиния, Рубрука и Олеария до легенд о земле св. Иоанна, фигурировавшего у автора книги о Тартарии под именем Папа Ян. С помощью анализа этих легенд и трудов прежних исследователей он пытался описать географию той или иной области, согласуя исторические факты и вымысел. Впрочем, для Витсена эти сведения,

¹ Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Т. 1. С. IX.

особенно полученные из Священного Писания, не были вымыслом. Так, он был убежден в том, что когда-то христианство господствовало по всей Азии и пало, например в Китае и Тангуте, под влиянием язычников — еретиков, несториан и магометан. Он считал, что многие обряды остались от христианства у язычников, которые, однако, следовали лжеучению.

С 1693 г., когда Н. Витсен стал одним из директоров Ост-Индской компании, среди его источников появились письма корреспондентов и информаторов: купцов, моряков, путешественников, в основном голландцев, а также французов-иезуитов, русских чиновников. Один из них, глава Сибирского приказа А. А. Виниус, предоставил автору карты и книги весьма существенную часть сведений о Сибири. На интерес энциклопедиста к Азии могли оказать влияние и книги из библиотеки его двоюродного деда — голландского консула в сирийском городе Вилайте (Алепо), а также коллекция редкостей и библиотека его отца Корнелиуса. Впоследствии Н. Витсен расширил коллекцию писем и редкостей, полученных от разных информаторов и сотрудников Ост-Индской компании. Эти сведения Витсен обобщил в комментариях к карте «Северной и Восточной Тартарии» 1687 года.

Несмотря на то, что сам амстердамский собиратель в Тартарии никогда не был, он приобрел много знакомых в Москве, в т. ч. из этих территорий, которые могли рассказать ему о Сибири и других регионах Российского

государства. Кроме того, Витсен был состоятельным человеком и, по собственному признанию, тратил тысячи гульденов на покупку информации. Так что помимо античных и арабских источников, трудов путешественников и ученых Средневековья и Нового времени, из которых он узнавал о прошлом и настоящем Евразии, у него была целая сеть информаторов. Они сообщали ему о настоящем положении дел; это были порой весьма высокопоставленные персоны. Например, Ф. А. Головин передавал Витсену с разрешения, а иногда и по повелению Петра I документы Сибирского приказа; разумеется, копии. Справедливости ради необходимо подчеркнуть: Пётр I, давая распоряжение о передаче Витсену каких-либо сведений, настаивал, чтобы информация была избирательной. Очевидно, царь московский понимал: бургомистра из Амстердама в первую очередь интересуют богатства территорий Российской империи, поэтому хотел ограничить европейца в приобретении знаний о них. Витсен признавался, что иногда прибегал к подкупу «приказных» чиновников. Поскольку он часто опасался, что ему перестанут предоставлять информацию из русских архивов или его корреспонденты окажутся под ударом, то стремился обходить неудобные для правительства места текста стороной и давал русским положительную оценку. Более того, многие части книги написаны по заданию Петра I, а многие представления о народах Сибири сложились у Витсена под влиянием рассказов информаторов. В частности, он писал, что остяки убивали своих

стариков; об этом ему говорил русский очевидец. «У этого народа отвратительный обычай: они часто убивают своих стариков и людей, изнуренных трудом, потому что они более не способны работать и не могут ходить и грести. Либо они их бросают в воду и топят, либо сворачивают им шею, как мне рассказал один русский кормчий Родивон Иванов, который это сам видел дважды около устья Оби. Это делают дети со своими родителями»².

Очевидно, Витсен часто передавал мнения своих информаторов без анализа. Как правило, сведениям информаторов он доверял, даже несмотря на то, что они противоречили друг другу. Критику эрудита в информативных источниках обычно вызывали географические сведения. Впрочем, иногда и сведения о государственном устройстве и границах стран также описывались Витсеном как устаревшие ко времени написания книги. Например, комментируя сообщения священника Иеронимуса Ангелиса об острове Иесо, Витсен утверждал, что в то время, когда писалось это сообщение, считалось, что Тартария — единая страна, у которой есть один государь — Великий хан. Несмотря на то, что автор труда о Тартарии иногда ставил выводы своих информаторов и информантов под сомнение, влияние их выводов на его представления было очень велико. По мнению некоторых критиков этого труда, оно было определяющим, т. к. Витсен сам ничего не писал, а лишь списывал и комментировал мысли информаторов

² То же. Т. 2. Амстердам, 2010. С. 789.

и выдержки из источников. Однако личное участие Витсена в составлении труда все же было достаточно существенным, поскольку он писал некоторые выводы сам, включая самоцензуру, т. е. не желая ссориться с государствами, откуда поступала информация; а иногда комментировал сообщения информаторов. На автора «Северной и Восточной Тартарии» и его информаторов влияли расхожие представления о делении мира на цивилизованные народы и варварские. Причем суждения о том, какие народы и по какой причине являются варварскими или цивилизованными, зависели от представлений как самого Витсена, так и его информаторов — европейцев, русских, китайцев и др. Впрочем, собиратель из Амстердама порой имел иную точку зрения. Не всегда были согласны с оценкой цивилизованности того или иного народа и его (Витсена) информаторы. Так, один из них, иезуит Ф. Купле, писал: «Синские книги изображают тартар так, будто нет более грубого и неуклюжего народа, чем они. Но теперь, благодаря общению с синцами, они стали более воспитанными»³.

При исследовании полученных сообщений Витсен либо просто комментировал их, хотя и указывал на некоторые противоречия и неточности, либо пытался анализировать их, порой прибегая к лингвистическому анализу, выявляя значения слов. На этом основании он делал выводы о тех или иных аспектах жизни того или иного народа,

³ То же. Т. 1. С. 42.

от религиозных его (народа) представлений до этнической принадлежности. Впрочем, подобный анализ часто приводил нидерландца к ошибочным выводам. Например, он писал, что родина всех монголов (мугалов, мягалов) и центр существовавшей некогда единой Тартарии — это Индия, выражая исключительно свое мнение, не ссылаясь на кого-либо. По его убеждению, в Индии и «сейчас правит» император Великий Могол — потомок Тимура и Чингисхана, но он слабее, чем его предки, т. к. тартары, которые со времен Геродота назывались скифами, постепенно утратили многие владения. «С древних времен мягалы и настоящие [нынешние] правители Могола, или Индостана, считались одним народом с тартарами. Ибо область Могол была завоевана мягальским князем Чингиз ханом, а затем снова его потомками и, наконец, Тамерланом. ... так что Моголия стала отделенным государством под названием Индостан»⁴, — писал голландский эрудит.

Впрочем, надо отдать Н. Витсену должное: если было несколько точек зрения на тот или иной вопрос, он в том случае, когда писал собственный текст, а не пересказывал чужой, старался представить их все и выбрать наиболее аргументированный из вариантов, разумеется с точки зрения автора книги о Тартарии. Например, помимо версии о происхождении монголов из Индии он называл версии их происхождения из Китая и также утверждал, что иные авторы называли эти народы «Гок и Могок».

⁴ Там же. С. 269.

Кроме прочтения текстов о народах Евразии, которые служили ему одним из источников информации, Витсен просил своих корреспондентов присылать ему различные письменные сообщения о народах Австралии и Америки. Также он применял метод, который сейчас называется опросом или интервьюированием, по отношению к своим информаторам — путешественникам, правителям и послам, общаясь с ними непосредственно либо с помощью писем, либо сам, либо через переводчика. Например, Витсен через нескольких переводчиков общался с монгольскими дипломатами.

При исследовании народов Тартарии и Сибири его интересовали следующие вопросы: географическое положение, вплоть до точных координат городов; традиции и обычаи народов, их представления о мире, религиозные обычаи; история; уровень развития науки в тех или иных регионах; ну и, конечно, местные полезные ископаемые, флора и фауна. За интерес к последним факторам Витсена, особенно в советские годы, часто обвиняли в банальном интересе колонизатора к территориям, которые можно было бы присоединить к голландской Индии. Однако, как говорилось выше, для Н. Витсена труд был чем-то большим, чем просто комментариями к карте или справочником по народам, предназначенным к колонизации. Нельзя исключать и научных амбиций автора карты и книги. Поэтому, возможно, стоит согласиться с Б. Наарденом, который писал: «Какие соображения заставили Витсена потратить

десятилетия на изучение столь отдаленных земель? Разумеется, определенную роль сыграли научные амбиции, любопытство и кальвинистская мораль, предписывающая посвящать полезным занятиям даже досуг»⁵.

Помимо письменных сообщений и расспросов, а также книг из библиотеки отца, источником информации о народах Евразии, в т. ч. Сибири, ее флоре и фауне для Витсена стала его коллекция редких растений и предметов быта народов Тартарии, Сибири и Северной Америки, которую он собирал на протяжении всей сознательной жизни. Он использовал части этой коллекции тогда, когда хотел описать тот или иной предмет, например гарпун или золотое украшение. Экспонаты коллекции автор «Северной и Восточной Тартарии» пополнял с помощью экспедиций, давая задания привезти те или иные предметы, растения, минералы или драгоценные камни; либо с помощью подарков от своих знакомых или властителей тех стран, о которых он писал. Среди его дарителей был даже Пётр I, презентовавший собирателю из Нидерландов большую коллекцию золота и украшений из сибирских курганов.

Существуют мнения о книге Николааса Витсена лишь как о собрании редкостей и продолжении его коллекции. Однако он пытался не просто собрать факты из сообщений о тех или иных народах, но и проанализировать их. Правда, при анализе или изложении сообщения того или иного информатора исследователь не всегда указывал на то, кем

⁵ Там же. С. 8.

был этот информатор и откуда он или сам Витсен получил данные сведения. Эти обстоятельства весьма затрудняли поиск ответа на вопросы, кем был информатор, откуда он получил информацию, откуда взялись представления информатора о народах, живших в Евразии.

Что касается информаторов Витсена, упомянутых ниже, то их имена точно установлены. Известны сведения о том, кем были эти люди, какое общественное положение занимали и какую информацию предоставляли автору.

Фёдор Алексеевич Головин (1650–1706), боярин, дипломат, с 1686 г. сибирский наместник, участвовал в переговорах с Китаем по вопросам проведения границы по Амуру. В 1689 г. заключил первый русско-китайский (Нерчинский) договор. Инициатор создания хорографических книг Семёна Ульяновича Ремезова о Сибири (как части Российской империи), созданных в период с 1696 по 1701 г., Головин предоставил Н. Витсену сведения о народах Сибири и Дальнего Востока, в т. ч. о тунгусах, остяках. Он подарил картографу старинное серебряное блюдо, которое было найдено в одном из скифских курганов в Сибири. Сибирский наместник передал информацию о протяженности Амура, старых рудниках в бассейне этой реки и о побережье Северного Ледовитого океана между устьями Лены и Енисея, но критиковал большую карту Витсена. Ф. А. Головин поручил составить для Витсена краткий список народов Сибири, включавший сведения об их языках, религии и письменности, о названиях в русских

источниках. Головин сообщил автору некоторые сведения о переговорах с Китаем. Витсен подробно цитировал его в различных фрагментах своего труда.

Андрей Андреевич Виниус (1641–1717) — дипломат; с 1664 г. на государственной службе в Москве, с 1697 г. глава Сибирского приказа. А. А. Виниус передал Н. Витсену основной массив информации об устройстве Российского государства, а также существенную часть дел Сибирского приказа. Он автор географического справочника «Описание расстояния столиц, нарочитых градов и славных государств». Виниус был первым русским почтмейстером, поэтому имел возможность поддерживать с голландским эрудитом регулярную переписку. Данный информатор был одним из важнейших для Витсена по России. В книге о Тартарии картограф называл его «крещеным русским», поскольку он был голландцем, принявшим православие. А. Виниус был родственником Витсена, хотя оба старались не афишировать этот факт.

Владимир Васильевич Атласов (1661–1711) — русский землепроходец, стрелецкий глава в Анадыре; с 1695 по 1711 г. совершал экспедиции на Камчатку и Курилы. В. В. Атласов составил первую карту Камчатки, сообщил Витсену первую достоверную информацию о Камчатке и ее жителях. В книге о Тартарии фигурирует как Владимир.

Юрий Крижанич (1618–1683) — хорват, сторонник панславянского государства, историк, этнограф, политик. В России он жил с 1659 по 1678 г. С 1661 по 1676 г. находился

в ссылке в Тобольске по обвинению в унииатстве. Ю. Крижанич написал книгу о Сибири; будучи в ссылке, переписывался с Витсеном, с которым, вероятно, познакомился незадолго до нее. От него Витсен получил информацию о религиозных верованиях народов Крайнего Севера, в т. ч. описание идолов. В книге Витсена он назван ссылкой хорватом из Тобольска.

Аюк Хан (1642–1724), хан Калмыцкой орды, сообщил Витсену о быте, политическом устройстве и жизни Калмыцкой орды; возможно, учил автора карты и книги калмыцкому языку. В книге он назван Тайша Аюк. Он в конце XVII в. жил в Москве, и автор «Северной и Восточной Тартарии» общался с ним посредством переписки или лично. Впрочем, Витсен сообщал, что поскольку этот монгол жил то у русских, то в Сине (Китае), он более напоминал синца, хотя и тосковал по кочевой жизни, которая виделась ему более простой и привычной.

Людовик Фабрициус (1648–1729), голландский офицер на русской службе, был другом Витсена. В 1677 г. не без помощи Витсена покинул русскую армию и уехал в Швецию. В 1679–1682, 1683–1688 и 1697–1700 гг. приезжал в Россию и Персию в качестве шведского посла. Фабрициус был знатоком не только России и Персии, но и Кавказа и областей вокруг Каспийского моря. Он был упомянут как ценный информант знаменитым картографом Г. Делилем. В благодарность за помощь Фабрициус обещал поделиться с Витсеном впечатлениями о своих путешествиях. Однако

автором большинства писем, которые получил Витсен, был немецкий врач Э. Кемпфер, сопровождавший Фабрициуса в качестве секретаря во время его поездок в Персию. Записки Фабрициуса о восстании Разина и посольских поездках были опубликованы на шведском языке.

Энгельберт Кемпфер (1651–1716) обучался в университетах Голландии и Германии; в 1683 г. в качестве секретаря сопровождал шведского посла Л. Фабрициуса в Россию и Иран (Персию). Он проехал по Волге до Астрахани и по Каспийскому морю до Низабада. Пробыв около года в Иране, Кемпфер покинул Фабрициуса и продолжил путешествие на корабле голландской Ост-Индской компании. Во время странствований по Востоку он побывал в Индии, на Цейлоне, Суматре, Яве и в Японии; при этом составлял путевые записки, в которых давал всестороннее описание природы, особенно флоры и фауны, посещаемых стран. Кемпфер сообщил Витсену информацию о Японии. Витсен использовал полученные от Кемпфера сведения в «Северной и Восточной Тартарии» и при этом указал имя информатора. Например, он сообщил, что карта нижнего течения Волги в издании 1705 г. составлена на основе информации, предоставленной Кемпфером⁶. Кроме того, полученные от Кемпфера данные автор книги о Тартарии использовал при обсуждении ряда вопросов о России, постановку которых в западной литературе Витсен считал спорной и критиковал в своих записках (первая попытка Витсена

⁶ То же. Т. 3. С. 113.

написать систематическое исследование о России); сомнения вызывал, к примеру, указанный на карте И. Массы канал между Доном и Волгой.

В числе людей, внесших значительный вклад в создание труда, Витсен упоминал Иоганна Виллема ван Келлера (?–1698), голландского дипломата, служившего в Москве; Андреаса Клейера (1634–1697), главу торговых дел в Японии, который помог Витсену войти в контакт с иезуитами в Китае; и Херберта де Ягера (1636–1694), лингвиста, ботаника и купца, проживавшего в нидерландской Индии. Витсен использовал длинное сообщение о Персии, которое де Ягер прислал из Батавии в 1688 г. Де Ягер был из простой семьи, но по протекции Витсена получил образование в Лейдене за счет ОИК. Можно предположить, что этот лингвист, владевший фарси, перевел для Витсена сообщение о позднесредневековом персидском посольстве в Китай и другие тексты, связанные с Персией. От Клейера картограф получил кое-какие сведения о Корее и Японии. Несмотря на помощь, оказанную в сборе информации, в тексте «Северной и Восточной Тартарии» имена де Ягера и Клейера встречаются лишь несколько раз. Упоминание их в предисловии можно также расценивать как дань дипломатической вежливости. Автор «Северной и Восточной Тартарии» писал: «Большую помощь в этом мне оказали следующие лица: покойный господин барон Иоганн Виллем Ван Келлер, посланник Высокомогущественных господ Генеральных Штатов Объединенных Нидерландов при московском

дворе; господин Клейер, бывший первым врачом в Батавии, советник юстиции и бывший руководитель Нидерландского торгового общества в Японии, а также высокообразованный господин Герберт де Ягер, представитель Нидерландов в Испахане в Персии. Все они прислали мне материалы для моего труда»⁷. Витсен, конечно же, понимал, что контакты с этими высокопоставленными представителями ОИК, которых он глубоко уважал за интерес к науке, могут оказаться полезными и в будущем.

В данный перечень включены имена известных информаторов Николааса Витсена; однако подчас его информаторы были представлены не под своими именами и титулами, а назывались лишь по должности или роду занятий. Порой в качестве информаторов были представлены вообще не существовавшие люди. Часто в описаниях информаторов присутствовал комичный аспект, вызванный плохим знанием автором некоторых особенностей русского языка. Например, в качестве информатора по верхотурской писанице Витсеном назван некий «секретарь Коим», хотя сейчас понятно, что это было всего лишь слово «которым», а не имя собственное.

Проблема также возникает в случаях, когда исследователь указывал лишь небольшие сведения об информаторах или то, чем они занимались, без подробностей. Так, одним из информаторов о Крыме фигурировал военный чиновник родом из Данцига, находившийся там

⁷ То же. Т. 1. С. X.

в плену и давший информацию Витсену после освобождения; первым информатором о Дальнем Востоке был некий «знатный польский господин». Одним из информаторов по северу Сибири указан «русский охотник Иванов», а информатором о Китае назван неизвестный участник голландского посольства в Сине. О том, что китайцы поклонялись идолу и строили «дьявольские храмы» или пагоды, хотя им известно о рождении и смерти Христа, Витсен сообщал, ссылаясь на его письмо, в котором участник посольства информировал, что в хрониках времен 14-го китайского короля, Куанву, сообщалось о часе смерти Спасителя: «На седьмом году, третьем месяце и 15-м дне царствования нашего короля наблюдалось невиданное затмение солнца в быке, так что во время царствования этого короля страдал и умер Бог и Человек, Спаситель мира»⁸. Подобных примеров достаточно много.

Приведенная характеристика информаторов не так обширна, но помимо перечисленных выше у Витсена были еще информаторы. Например, иезуиты: француз аббат Мартини и фламандец Филипп Купле, приближенные ко двору императора Китая, которые хвалили синцев за широкие научные знания, изобретение компаса, за скорый суд и миролюбие, а также за то, что они искусные ремесленники. Если при этом можно выяснить, кто такой француз иезуит аббат Мартини, то трудно узнать, кем были те русские, которые дали Витсену информацию о человеческих

⁸ Там же. С. 25.

жертвоприношениях на Крайнем Севере России. По утверждению автора карты и книги, это был охотник, который видел ритуальное убийство старика с помощью лука. Исходя из этого картограф сделал вывод, что самоеды убивали своих стариков и приносили их в жертву.

Таким образом, далеко не всегда известно, от кого именно Витсен получал те или иные сведения. Информация об источниках в «Северной и Восточной Тартарии» иногда ограничена, а часто и вовсе отсутствует. Исходный материал, который Витсен получил непосредственно от этих неназванных информаторов и информантов, практически не сохранился, поэтому реконструировать их имена в большинстве случаев не представляется возможным. Большая коллекция предметов и редкостей, библиотека, рукописи и карты Витсена были выставлены его наследниками на аукцион в 1728, 1747 и 1761 гг. и распроданы. Сохранились лишь три ящика из наследства амстердамского бургомистра, но в начале XIX в. оказалось, что находившиеся в нем бумаги испортились⁹. Из сохранившейся части наследия ученого-любителя известны рисунки, сделанные Витсеном во время путешествия из Амстердама в Москву.

Учитывая все вышеперечисленное, можно отметить: масштабы информационной сети автора труда «Северная и Восточная Тартария» были впечатляющими. В письме Роберту Саусвеллу (глава лондонского Королевского общества) в 1691 г. Витсен слегка приподнял завесу над ней:

⁹ То же. Т. 3. С. 116.

он подчеркивал, что 28 лет тому назад разговаривал в Москве не только с русскими, но и «со всякими тартарами». Помимо того, Витсен писал: «Я постоянно поддерживал переписку с Москвой, Астраканью, Грузией, Исфаханом, Польшей и Константинополем. Я ежегодно получал письма из Пекина ... Я собирал тома дневников и вахтенных журналов, которые содержат названия гор, рек, городов, а также большое количество набросков, мной самим систематизированных, которые описывают территории, уже упомянутые мной. На основании материалов этого фонда, который я собирал многие годы, сравнивал между собой и приводил в порядок упорно и непрерывно, и была сделана моя карта»¹⁰.

¹⁰ Там же. С. 65.

ГЛАВА 3

АВТОР КАРТЫ И КНИГИ О НАРОДАХ КАВКАЗА, КРЫМА, ПОВОЛЖЬЯ

На представления Н. Витсена о народах Тартарии (Кавказа, Крыма и Поволжья) влияли стереотипы европейцев, русских и азиатских народов о соседях и друг о друге, жившие в их сознании на протяжении веков.

В то время, когда Витсен писал книгу «Северная и Восточная Тартария», он, как правило, хвалил русских, которые несли просвещение и слово божье народам, стоящим под их властью. Однако ранее, в книге «Путешествие в Московию, 1664–1665», описывая русских, он называл их даже не варварами, а говорил, что это тупые скоты, которые

сами невежественны и другим не дают заняться чем-то полезным для развития ума. Столь нелестную оценку автор дал «московитам», возможно, после разговора с дьяком по-сольского приказа Алмазом Ивановым, запретившим ему учить русский язык.

Автор книги о Тартарии в XVII в., как и многие другие иностранцы, критиковал русских за неумение вести дискуссии и отсутствие правил поведения за столом. Об этом писала Е. Е. Вахрамеева, отмечая, что Витсен ругал живопись, музыку русских, их стремление покаяться и затем снова согрешить, а также то, что «московиты не молятся, а только крестятся». Впрочем, отрицательное отношение Витсена к православным обрядам русских, вероятно, происходило от непонимания последним местных обрядов и глубины религиозных чувств¹. Вдобавок к этому Витсен был протестантом, которого излишняя обрядовость могла раздражать и вызывать отвращение. Необходимо отметить: впоследствии Витсен оценил религиозность русских и их рвение в распространении христианства. «По милости Провидения и Всемогущего Бога эти земли попали под власть Их Царского Величества, благодаря чему христианская вера, слава Богу, теперь начинает проникать туда, за что имя Его Царского Величества навеки да будет прославлено»².

¹ Вахрамеева Е. Е. Стереотипы восприятия Московии иностранными путешественниками в XVII в. // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. 2010. Вып. 1 (12). С. 75–82.

² Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Т. 2. Амстердам, 2010. С. 798.

Избавился ли Витсен от мнения о русской культуре и обычаях, музыке и живописи как некрасивых и уродливых, неизвестно. Однако в своей книге о Тартарии ученый-любитель хвалил просветительские усилия русских среди «диких» народов Евразии и считал Российскую империю одним из источников блага, света и богатства для всех народов континента.

Другими словами, в представлении Н. Витсена о русских в период между написанием книг «Путешествие в Московию» и «Северная и Восточная Тартария» произошли некоторые изменения к лучшему. Если в первой русские представлены варварами, то в книге о Тартарии они ярые сторонники цивилизованности и просвещения. Правда, учитывая специфику составления труда собирателя, возникает вопрос: были ли изменения его представлений о России искренними или это были лишь притворство и самоцензура с целью получения информации от русских? Вероятнее всего, это были искренние перемены, поскольку он, с одной стороны, потратил много времени на книгу, которую посвятил Петру I и Ивану V, т. е. царям того самого народа, которого в молодости считал варварским. С другой стороны, он старался быть правдивым, конечно с его точки зрения, и не посвящал свою работу только прославлению российских царей.

Николаас Витсен начал свой труд «Северная и Восточная Тартария» с пересказа сообщений о синцах (китайцах) и тартарах из Ниухе (вероятно, маньчжурах). Он, соглашаясь

со своими информаторами-иезуитами французом аббатом Мартини и нидерландцем Филиппом Купле, осуждал приверженность синцев ложным идолам — бонзам и ламам, но хвалил за дисциплину в армии, какой «не найти» в Европе, за успехи в мореплавании, за справедливый скорый суд, а также за военную храбрость, которая, впрочем, по мнению иезуитов распространялась лишь на «синских тартар», но не на самих синцев. Синцев информаторы Витсена считали трусливыми, не умеющими воевать и к тому же лживыми, в отличие от «синских тартар», которые были храбрее, честнее и веротерпимее, чем синцы, хотя и более грубы в обращении. Однако по поводу таланта в мореплавании встречались противоречивые оценки: если один информатор хвалил корабли синцев, то другой утверждал, что синцы были плохими мореходами и боялись морской воды.

Ко многим народам Евразии автор «Северной и Восточной Тартарии» относился с большой симпатией. Например, монголов он считал одним из самых храбрых и справедливых народов Азии, совершивших много славных дел. Большинство негативных оценок монголов — не более чем следствие зависти арабских писателей поздних времен, утверждал собиратель из Амстердама. При всей критике кочевников и народов Тартарии и Сибири, Витсен и его информаторы отмечали множество положительных качеств жителей этих территорий, не свойственных европейцам на тот момент, а именно искренность религиозных убеждений, честность, презрение к роскоши, храбрость

и дисциплинированность; правда, все эти качества приписывались лишь кочевникам и «терялись» по мере приобретения оседлости. Так, Витсен писал, что храбры, честны, скромны, религиозны без фанатизма нихайские тартары (очевидно, маньчжуры), покорившие Сину. Эти тартары больше походили на европейцев, чем на синцев. Они не стремились проливать человеческую кровь ради забавы. Впоследствии они все больше начинали вести себя как синцы, т. е. становились лживыми, фанатичными, хвастотлюбивыми и трусливыми, приобретали чрезмерную жажду к богатству и наживе и все меньше верили даже в своих идолов. По мнению автора книги о Тартарии, даже синцы верили в свое лжеучение более искренно, чем голландцы словам Всевышнего. Витсен полагал, что эти народы когда-то были христианами-несторианами и теперь в Сине и Тангуте, откуда происходила религия бонз и лам, остались многие христианские обряды, а значит, проповедью христианства можно было бы восстановить перспективы возрождения, якобы существовавшие со времен апостолов христианских церквей. По его мнению, это было вполне осуществимо при поддержке местных властей, при условии активной проповеди и удаления от правителей старых советников, которые лгали им об истинной вере, и при просвещении народов Тартарии и Сибири. Единственными в Тартарии, по утверждению Витсена, крепко цеплявшимися за свою веру были магометане, и если кто-то пытался обратить их в иную веру, то это было бесполезно.

Язычники за свою веру особо не держались или не имели никакого представления об окружающем мире и верили фокусам шаманов, им было бы легко внушить слова Спасителя, считал эрудит из Нидерландов.

Необходимо подчеркнуть: объектом исследования данной работы являются в основном народы, жившие на территории Российского государства (империи) в XVII веке.

Следуя за автором «Северной и Восточной Тартарии», переходим к описанию народов Кавказа, Крыма и Поволжья. Витсен сообщал, что земли Георгии, или Иберии, граничили на востоке с Персией, на западе — с областью «Великого Турка» (Турцией), на севере — с Дагестаном и Чиркассией, на юге — тоже с Персией, т. е. располагались между Каспийским и Черным морями. Картограф писал, что георгиане, собственно, не тартары, а ближайшие и рядомживущие соседи и потому у них много общего в нравах с тартарами. Он также отмечал, что Грузия, которая раньше именовалась только Иберией, называлась еще Гурги, или Гургистаном; она простиралась к западу до тех гор, которые отделяли ее от Менгрии. В этой области, излагал бургомистр амстердамский, ссылаясь на Тавернье, весь народ исповедовал христианскую веру, но после того, как туда «проникло» много магометан, персы устроили там два княжества, которые у персидского двора назывались «областями». Царь Тифлиса чеканил монеты с именем царя Персии, сообщал голландский исследователь, а судопроизводство находилось в руках

христиан, а не магометан: даже «царь в нем не участвовал». Житель Иберии, попадавшийся на краже, должен был вернуть украденное в семикратном размере, а если не мог, его продавали; если и этого было мало, то продавали его жену и детей. Витсен уверял, что совершившего убийство приговаривали к смерти или он передавался для исполнения приговора родственникам убитого, которые, однако, могли его простить. Характеризуя жителей Иберии, он писал: «Георгианские христиане простоваты в делах веры, но женщины как в религии, так и во всех областях науки умнее мужчин, что проистекает из того, что мужчины либо обрабатывают землю, либо воюют, а большое количество женщин находится в монастырях, где они занимаются богослужением и науками, тем более что девишеск рано отдают в монастыри, потому что, если они красивы, их часто похищают, иногда даже ближайшие друзья, и продают их в Персию, Турцию или даже в Моголию»³. Далее автор книги о Тартарии сообщал, что мужчины и женщины имели красивую внешность, а по цвету кожи и по фигуре вместе с чиркасами (черкесами) считались самыми красивыми во всей Азии. Царь Персии брал многих женщин из Иберии себе в жены. Витсен отмечал, что в главном городе Тефлисе, который являлся крупным и хорошо построенным, торговали шелком. Христианская религия Иберии являлась соединением элементов «греческих и армянских верований».

³ Там же. С. 626.

Кроме Иберии Витсен сообщал о других областях (княжествах), расположенных в горах Кавказа. Например, область Менгрелия (прежде Колхис), расположенная «по соседству с Тартарией», граничила на западе с Черным морем, на востоке — с чиркасами, на севере — с пятигорскими народами, на юге — с Трапезундом. Он подчеркивал, что жители этой области — «алалии и мингрелы» — христиане, но многие переходили в магометанство. «Мингрелы» — это народ крепкого телосложения, с красивыми лицами. Они были очень бедными и «известными ворами»; воровали не только вещи, но и женщин, и детей, которых продавали туркам и тартарам, «обычно за соль». По сообщениям информаторов Витсена, много ханов и бачей в Турции были родом из Менгрелии. Большое количество жителей этой «страны» продавалось в Константинополе в рабство. Автор книги «Северная и Восточная Тартария» писал, что, как ни удивительно, многие из этих людей, исповедуя христианскую религию, были грубы и развращены, крали людей, даже друзей, соседей и союзников, и продавали их магометанам или язычникам. Витсен утверждал, что чиркасы, соседи мингрелов, тоже занимались кражей людей. Страна чиркасов, расположенная вблизи Каспийского моря, на севере имела соседями астраханских нагайцев, с запада — абасов (абхазов) и мингрельские народы, с юга — дагестанских и таркусских тартар; она «довольно красивая», «есть» поля и долины, леса и водопады. Чиркасы около Каспийского моря, продолжал Витсен, не имели

ни городов, ни крепостей, население жило только в открытых местностях и деревнях; их вера состояла из суеверий; подчинялись они старейшему из рода в деревне. У чиркесов одна деревня обкрадывала другую, они никого не боялись. Витсен сообщал, что «чиркасы» покупали жен у их родителей. Если при ссоре с мужем жена оказывалась неправа, то старейшина деревни продавал ее. Ученый-любитель упоминал также пятигорских «чиркасов»; они редко выходили на равнинные поля, потому что это были горные народы (черкесы пяти гор). Считалось, что «чиркасы», как и грузины, — самые красивые люди в Азии. Он отмечал, что в «Чиркасии» говорили на трех языках: казацком, русском и турецком; казаки в «Чиркасии» почитались больше, чем татары.

По сообщениям Витсена, Крымская Тартария (полуостров Крым), иначе называемая *Taurica Chersonesus*, располагалась к северу от Черного моря, к юго-западу от Меотийского (Азовского) озера, к югу от пустынных областей вдоль реки Нипер (Днепр). Полуостров Крым называли Таврическим, потому что ранее он был населен скифами гор Таурус. По рассказу военного чиновника из Данцига, находившегося в крымской Тартарии в плену, на полуострове существовали четыре больших города: Перекоп, Козлов, Балаклава и Кафа; также множество деревень, которые были заселены греками, поляками, русскими, казаками и пленными, соединенными браками с уроженками этой «страны». О крымских татарах Витсен писал, что

это грубые варвары, но все же не совсем лишенные добрых нравов. Например, когда они садились на лошадь, то говорили: «Дай бог счастья», в конце пути тоже благодарили бога; так же поступали, когда вставали утром. Иными словами, по глубокому убеждению голландского эрудита, если народ благодарил бога за что-либо, то он (народ) уже «не лишен» доброго нрава. Кроме крымских татар на полуострове жили греки, армяне, арабы и евреи, причем все они платили тартарам дань. Армяне и греки исповедовали христианство; они имели школы и постились перед Пасхой. Крымские татары «занимались» работоторговлей. Витсен утверждал, что древние жители этой страны, вероятно половцы, применяли обрезание еще до Магомета; если это так, то они, по всей видимости, «происходили» от евреев. Картограф считал, что крымские татары истребили жителей полуострова, которых ранее называли половцами; но, скорее всего, половцы стали основой для этноса крымских татар. Эти татары, уверял автор «Северной и Восточной Тартарии», имели обычный рост, желтоватую кожу, крепкое телосложение, широкое лицо, короткую шею и маленькие глаза; они ели конское и козье мясо, баранину и дичь, свинины не употребляли; за пьянство и убийство они наказывались. Крымские татары с детства упражнялись в стрельбе из лука, тетива которого делалась из сухожилий лошадей. «Они очень послушны своим ханам. Ведут строгий образ жизни. Крадут у чужестранцев все, что только могут. В своей среде они не терпят чужестранцев,

только купцов. Земля и виноградники там обрабатываются христианами, евреями и привезенными рабами, потому что они считают эту работу недостойной. Они постоянно занимаются похищением людей, продают их или обменивают в Кафе, ... немногие занимаются ремеслом, а большинство — войной»⁴, — писал автор книги ин-фолио. Витсен подчеркивал, что крымские татары не любили жить долго на одном месте, у них существовало проклятие: пожелание жить как христиане и нюхать свои нечистоты. Он сообщал, что эти татары «брали» столько жен, сколько могли прокормить, и еще рабынь-наложниц; детей наложниц, если они (наложницы) были простого происхождения, отец продавал. Крымскотатарский язык происходил от турецкого, но около русских границ немного был похож на «московитский», отмечал автор «Северной и Восточной Тартарии».

Переходя к описанию Поволжья, Витсен упоминал о землеописателе Ал-Идриси (аль-Идриси), известном латинянам под именем Нубийский, утверждавшем, что Астрахань (Астрахань) населяли хозары (хазары). Автор труда о Тартарии писал, что Астрахань расположена в 200 милях по прямой от Москвы и на расстоянии 10 дней езды от Казани; город был разделен Волгой на две части. «Говорят, что Астрахань прежде стояла на западном берегу Волги, где недалеко оттуда жил народ хазары, или, как иногда магометане называют их, алхозары и горгани. Эти народы,

⁴ Там же. С. 705.

по сообщениям одного английского неизвестного писателя, распространялись во время императора Юстиниана, на весь широкий материк между Синой и Борисфеносом. Они завоевали часть Индии, всю Бактрию и Согдиану. Они обязали платить дань персов»⁵.

Астрахань была местом большой торговли, но особое значение городу придавала свобода для всех верований, потому что там были равными и христиане, и иудеи, и магометане, и идолопоклонники. По утверждению Витсена, это было результатом договоренности между еврейским раввином и «королем Хозара». Автор «Северной и Восточной Тартарии» писал, что Олеариус называл это место Старой Астраканью. Витсен продолжал, что город Астрахань расположен недалеко от устья Волги; Волга, которая впадает в Каспийское озеро, — это самая большая из рек, протекавших в Московии. Она вместе со всеми прилегавшими землями являлась жемчужиной в «славной» императорской короне «Их царских величеств» (московских правителей). Хороший климат и развитая торговля привлекали в Астрахань кроме «москвитов» еще некоторые народы: армян, магометан, нагайцев (ногаи — современное название части народа, который изначально назывался нагайи или нагайцы) и др. Возможно, Витсен использовал название нагайи, потому что народ позиционировал себя единым, а не разделенным со стороны на нагайцев и ногаев. Картограф писал, что город Астрахань исстари стоял на твердом берегу со стороны

⁵ Там же. С. 885, 886.

Крыма, а «несколько лет назад» его осадили крымские татары, но русские город «мужественно» защитили. Астраханское царство ранее называлось Цитраканом и находилось под перекопскими тартарами, по сведениям других источников — под нагайскими тартарами. Автор книги о Тартарии сообщал, что Астраханское царство было присоединено к русской короне в 1554 г. царем Иваном Грозным, который после покорения Казани подчинил его (царство) «московитам». Западнее Астрахани находились соленые болота, из которых русские извлекали очень чистую и хорошо пахнущую соль.

Нагайцы, жившие около Астрахани, сообщал Витсен, не имели постоянного местопребывания, а переезжали в зависимости от расположения пастбищ. Переезжая, они ставили свои лачуги на телеги и перекочевывали, как и калмыки, вместе со скотом, верблюдами, лошадей, женой и детьми; однако были определенные обжитые места, за пределы которых нагайцы не ездили. Они платили небольшую дань «Их царским величествам». Автор книги ин-фолио утверждал, что земли нагайских татар располагались выше Астрахани и простирались на восток до реки Яик, которая впадала в Каспийское море. Река Яик (позднее Урал) протекала у восточных границ «могущественной Московитской империи». Витсен писал, что берега Каспийского моря были заселены главным образом русскими; московиты (русские) построили там (на берегу моря) город Яик (очевидно, Гурьев), в котором находились промыслы «Их царских величеств» для ловли семги и осетра.

Продолжая описывать нагайцев, Витсен подчеркивал, что они были хорошими солдатами, служили русским и могли собрать войско в несколько тысяч человек; некоторые из них приняли русскую веру. Он писал, что эти тартары (нагайцы) обладали смуглой кожей, маленькими глазами и коренастым телосложением; отмечал, что нагайские тартары, и мужчины и женщины, были выше ростом, чем другие тартары, но некрасивы: у них были маленькие лица, маленькие плоские носы и глубоко посаженные глаза. Они носили кафтаны и шапки из овечьего меха шерстью наружу. По выражению автора книги о Тартарии, нагайские женщины были не безобразны и носили белую полотняную одежду и острые шапки; их дети ходили голыми. В обычае нагайцев существовало многоженство. Витсен уверял, что некоторые из них, давшие обет служить богу или какому-то святому, носили кольца в носу и ушах.

Многие народы Нижнего Поволжья, по словам Витсена, вели животный образ жизни; например, астраханские калмыки не знали любви и продавали своих детей. Он писал: «Они не сеют и не жнут. Они ездят и скачут повсюду на верблюдах. Те, которые живут ближе к Астракани, самые злые из всех тартар. Они находятся под властью мурзы, главы их орд. Когда, при недостатке травы [на пастбищах], они [орды] встречаются, то дерутся из-за нее, победители убивают побежденных или обращают пленных в рабство. Они не знают денег, а торгуют путем обмена»⁶. В главе

⁶ Там же. С. 888, 889.

об Астрахани Витсен утверждал, что самыми злыми из всех тартар являлись калмыки, хотя ранее он хвалил их за храбрость. Калмыки, кочующие около Астрахани, принуждали нагайцев, живущих рядом с ними, платить дань овцами и другим скотом, из которого состояло все богатство этих народов. Витсен акцентировал, что существовали так называемые «черные» и «белые» калмаки (калмыки), их орды часто находились в состоянии междоусобной войны; их оружием были сабли, луки и стрелы. Он утверждал, что палатки, в которых жили калмыки, назывались кибитки и что калмыки, живущие около Астрахани, были привезены туда из черной Калмакии более 100 лет назад неким Аюке тайшой; они были изгнаны из дальней Калмакии или убежали от наказания и поселились недалеко от Астрахани.

Давая краткую характеристику этой части Волжского бассейна, Витсен сообщал, что кругом грязь и разруха, регион населен грязными и невежественными варварами — тартарами. Подробно об этом можно прочитать у Авериуса, писал он. Обобщающими словами к положению кочевников всей Евразии во времена Витсена могли бы стать его слова о том, что когда-то Чингисхан и Тамерлан совершили великие завоевания и основали много городов, но теперь на месте «этих городов» пустыня; там, где были знания и наука, теперь невежество.

Характеризуя кочевников, живших в Нижнем Поволжье, эрудит лишь вскользь упоминал, что вдоль низовий

Волги жили еще и москвиты (русские), не давая описания ни их домов, ни нравов, ни кулинарных предпочтений. Он лишь иногда описывал города, заселенные русскими, такие как Царицын (Волгоград), Камышин, Саратов и др. Например, о Саратове автор труда о Тартарии писал, что этот город «прежде» был «очень мощным», построенным из кирпича, имевшим много великолепных дворцов. По утверждению Витсена, некоторые источники сообщали, что Саратов был построен Тамерланом, другие — что разрушен Тамерланом; автор карты и книги больше склонялся ко второй версии. Он считал, что основатель этого знаменитого города не определен, хотя утверждал: «ясно видно» — строители этих древностей были исключительными мастерами.

Продолжая характеризовать народы, жившие вдоль берегов Волги, по моральным признакам, Витсен отмечал, что самыми нравственными из всех тартарских народов Поволжья являлись казанские тартары: они обрабатывали землю, жили в городах и занимались торговлей. Бургомистр из Амстердама подчеркивал: несмотря на похвальное рвение русских в проповеди слова божьего, многие в Казани оставались магометанами. Мужчины там были полными, а женщины довольно красивыми. Картограф сообщал, что Казань была то под перекопскими тартарами, то под собственными христианскими господами, пока наконец не попала «под русское государство» — власть царя Василия, который сначала построил город Васильград. Затем

он (царь) после шести походов «подчинил себе Казань», восстановил ее, начав там каменное строительство. Н. Витсен писал: «Он вел войну с ними не менее семи лет, прежде чем покорил и усмирил их. ... Чтобы завладеть Казанским государством, он заключил мир со всеми окружающими князьями. Черемисы были там исконными жителями уже до того времени, когда мегометанские татары, которых теперь называют перекопскими, там поселились»⁷.

Недалеко от Казани, отмечал Витсен, к северу от реки Волги и около реки Камы, жил народ мордва. Его северо-восточными соседями были пермяки и вогуличи, на западе было Казанское царство, на севере — «область Югория», и на юге жили башкирские татары. Мордовские татары были зажиточными, гостеприимными и добрыми. По словам картографа, они жили в хорошо построенных избах в деревнях, рассеянных внутри «страны», занимались земледелием, редко молились, и только тогда, когда резали скотину или готовили свой напиток. Коллекционер из Нидерландов утверждал, что они молились богу, который сотворил небо, и землю, и все, что на ней «находится», благодарили его за то, что он до сих пор оставил их в живых, и т. д. Этот народ жил мирно и без священников; среди него было много пчеловодов. «Они не поклоняются идолам, а [служат] перед шкурами зарезанных животных, которые растягивают, вешают на деревья и перед которыми падают на колени. Живут по законам природы, признают единого

⁷ Там же. С. 904.

Бога, создателя Вселенной, которому они жертвуют первое из всего, что едят и пьют: это они бросают в небо и делают то же самое с тем, что собирают»⁸, — писал автор «Северной и Восточной Тартарии». Эти тартары покупали жен у их родителей. Девушки у них были красивы и опрятно одеты, мужчины одевались почти по-русски. Витсен отмечал, что мордвины обладали крепким телосложением, часто воевали с соседними тартарами и что мордовский язык был «почти одинаковым» с черемисским (марийским).

Черемисы (марийцы), которые также относились к населению Поволжья, жили недалеко от Нижнего Новгорода, в лесах на обоих берегах Волги, от Вятки и Вологды до реки Камы. Витсен сообщал, что около Васильгорода, который построил на Волге и заселил солдатами для защиты от крымских тартар Василий III, жили черемисские тартары, расселившись на большом расстоянии выше Казани. Они были быстрыми бегунами и хорошими стрелками из лука. Витсен уверял, что черемисов тоже причисляли к тартарам и у них был особый язык; в их «стране» росло мало хлеба, поэтому его туда привозили и обменивали на меха. Некоторые черемисы жили в домах, но большинство — в шатрах, в поле. Автор книги о Тартарии подчеркивал, что эти народы подносили «Его царскому величеству» в знак признания некоторые подарки в виде мехов. Они были язычниками-идолопоклонниками; основной частью идолопоклонничества

⁸ Там же. С. 778.

являлось жертвоприношение. По утверждению ученого-любителя, письменности у них не было. Черемисские тартары внешним видом и одеждой не отличались от русских крестьян. Витсен писал: «Черемисы не употребляют другого оружия, кроме лука и стрел. Они разделены на нагорных, или погорских, и луговых, или луговиков. У них свой язык, их насчитывается свыше 20 000 человек. Они все земледельцы или охотники и очень плодovitы. ... У них много меда и животных; большинство из них язычники, но немного магометан; используют много телег и лошадей. Они живут спокойно и в мире»⁹.

⁹ Там же. С. 772.

ГЛАВА 4

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НИКОЛААСА ВИТСЕНА О НАРОДАХ СИБИРИ

Описание Сибири Витсен начал с рассуждения о том, что Сибирское царство носило свое имя от реки Сибер, или Сибирской, или от города Сибер, который «теперь разрушен». Собственно, область, нанесенная на карты под этим названием, как сообщал автор книги «Северная и Восточная Тартария», располагалась около широко известной реки Оби, главным ее (области) городом был «Тоболь». «Но широко взятая, она охватывает и много других областей, лежащих в большинстве своем вне России, к северу и востоку, под правлением Их Царских Величеств.

Так, под названием Тартарии в Европе известны все страны к востоку от Оби и Каспийского озера, то и я их под этим названием охватываю, хотя, собственно говоря, Сибирь находится не в Тартарии. Однако ввиду того, что она расположена рядом, и по указанным причинам мы считали, что следует ее включить сюда»¹, — писал Витсен.

Собиратель из Амстердама сообщал, что от верховий Туры до Пелыма по рекам Тагил, Реж, Серебрянка жили в основном вогуличи; они жили без религиозных законов и веры, делали богов по «собственному» желанию из различных вещей. Вогулические тартары, утверждал Витсен, были грубыми язычниками; они имели маленький рост и крепкое телосложение. Затем автор карты и книги писал о многочисленном народе остяков, живших около Оби и на берегах некоторых рек, впадавших в нее. Они питались свежей рыбой, а вместо хлеба ели сушеную рыбу. Остяки были приземистыми на вид, невысокими и не отличались по «внешности» и «лицу» от самоедов. Нидерландский эрудит продолжал: население Сибири — вогулы и остяки — верило шаманам и поклонялось идолам, небу или дереву. Единственный обряд, который они совершали: раз в год приносили в жертву потроха животных и вешали их шкуры на дерево. Он писал, что остяки не пользовались вещами своих жен и не хотели принимать христианства, потому что не желали жить не так, как их предки, хорошо это или плохо.

¹ Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Т. 2. С. 914, 915.

Николаас Витсен пытался изучить представления о Золотой бабе, т. е. главном идоле инородческого населения, живущего вдоль Оби. Он отмечал: с давних пор в Европе и других местах говорили, что тартары, жившие около Оби, ниже города «Тоболь», поклонялись статуе, называемой Золотой бабой. Жители этих мест считали ее своей богиней. Как старательно ни исследовал Витсен этот факт, все же он не смог найти этому подтверждения. Только один русский господин сообщил ученому-любителю, что у подножия горы в Обдории стояла высеченная статуя — Золотая баба в виде женщины. Информатор Витсена утверждал, что это был злой дух, который являлся осяткам в виде женщины с детьми на коленях, на теле у нее были звенящие колокольчики; ее боялись и почитали. Олеус Рудбекиус, исследования которого Витсен использовал для составления своего труда, считал, что эта баба символизирует землю, а ее дети — солнце и луну. Богине приносили в жертву животных и меха, обливая ее ступни кровью, а внутренности животных ели в сыром виде около статуи. В сообщении о самоедах автор «Северной и Восточной Тартарии» продолжал размышления о главной святыне самоедов и осятков, но в процессе исследований пришел к выводу, что на самом деле никакой статуи не было, а была лишь гигантская скала где-то на севере от Рифейских (Уральских) гор, очертания которой напоминали женщину с двумя детьми. Местное население поклонялось этой скале как воплощению матери богини Земли и ее детей — Солнца и Луны.

По утверждению Витсена, самоеды различались по типу и по языку. Самоеды, жившие под Берёзовском и Пустозёрском, считались одним народом. Согласно другому источнику, ареал расселения этого типа самоедов простирался от Печоры до Оби, и назывался этот тип остяками-самоедами. Кроме них были тунгусы-самоеды, которые жили к востоку от Оби до Мангазеи и Туруханска. И, наконец, были самоеды, жившие около Архангельска. Автор книги о Тартарии писал, что самоеды не умели ни читать ни писать, были упрямы, но верны. Он утверждал, что самоеды, живущие ближе к Архангельску, были менее красивы, более свирепы и жестоки, хотя обычно в его труде сообщалось, что чем ближе кочевые народы проживали к источникам цивилизации (т. е. к русским городам), тем они были цивилизованнее, культурнее и красивее. У архангельских самоедов, по уверениям автора карты и книги, присутствовали противоположные качества; чем вызваны различия в описаниях самоедов, неизвестно.

Что касается религии, то коллекционер из Амстердама утверждал, что самоеды были дикими варварами, преданными своей вере, и их было очень сложно обратить в христианство. «Самоеды — это все грубые язычники. Они утром и вечером приветствуют солнце и луну несколькими поклонами. Кроме этого, они вешают около своих палаток на деревья идолов, — в большинстве вырезанные из дерева человеческие фигурки, ... и им поклоняются»².

² Там же. С. 1127.

Однако, по словам Витсена, российский император делал все, чтобы обратить этот народ в христианство. Самоеды, принявшие христианство, почитали только св. Николая как покровителя охоты и праздников. Этого придерживались также марийцы, мордва и остяки. Поклонение св. Николаю у самоедов, согласно описанию, носило элементы языческого культа: ему приносились подношения и жертвенные животные, а его идол стоял среди деревянных идолов на острове, куда доходили только самоеды. Один из информаторов Витсена пояснял, что речь шла об острове Вайгач. Мало кто из русских смог попасть на этот остров и выбраться оттуда живым, потому что самоеды практически никого не допускали к нему, а людей, которые попадали туда, убивали. От остальных тартарских народов самоеды отличались тем, что они поклонялись своим мертвым и возили их скелеты в своих упряжках. Кроме самоедов, культ мертвых в труде Витсена упоминался еще в Сине применительно к празднику упокоения душ, известному как праздник фонарей. В праздник фонарей приносились жертвы в честь усопших, в т. ч. человеческие. Например, один из информаторов амстердамского бургомистра, описывая этот ритуал в Сине, утверждал, что жертвы были человеческими, хотя ко времени, о котором шла речь, сжигали только бумажные фигурки (фонарики) либо глиняные статуи. Другие народы Евразии мертвым не поклонялись.

Необходимо отметить: Витсен считал самоедов нечистоплотными, потому что подчас они ели добычу заживо,

только поймав ее. Впрочем, при всем отрицательном отношении к самоедам автор книги о Тартарии не признавал за ними многих негативных черт, о которых писали его информанты. В частности, приводя сообщение Чеслера о том, что многие северные народы, включая самоедов, съедали своих пленников или умерших и даже считали это за честь, Витсен не находил подтверждения информации об этом обряде и предполагал привнесение Ричардом Чеслером и Вильямом Перглоу какой-то путаницы. Другой информант Витсена, английский путешественник Эванс Перчас, который в XVI в. побывал на севере Российского государства, писал, что самоеды весьма дружелюбны, преданны и гостеприимны, а многое из сказанного о них — неправда. Происхождение слова «самоед» Перчас объяснял не от слова «каннибал», а производным от слова «самое — абориген, туземец». Вероятно, это означало, что самоеды жили на севере Сибири раньше, чем кто бы то ни было. Иными словами, по мнению автора «Северной и Восточной Тартарии», остальные народы в Сибири были пришлыми, а самоеды жили здесь всегда. Самоеды, жившие возле Архангельска, отличались от других, по уверениям Витсена и английских путешественников, тем, что поклонялись солнцу и луне. Исходя из этого, эрудит из Нидерландов сделал предположение: самоеды, населявшие район Архангельска, поклонялись солнцу точно так же, как древние скандинавы (норвежцы), от которых они, возможно, произошли.

Таким образом, из положительных черт самоедов Витсен выделял честность, открытость, гостеприимство. Из отрицательных — поедание сырого мяса, поклонение солнцу и луне подобно животным; об этом писал Перчас, утверждая, что самоеды подобно животным «воют» на солнце и луну. Что касается расхожего как в иностранной, так и в отечественной литературе мнения о том, что слово «самоед» восходит к каннибализму и поеданию пленных либо своих умерших, то Витсен подтверждения этому не нашел, и, возможно, это был всего лишь миф. Впрочем, этот миф довольно долго поддерживался, в т. ч. среди тех русских путешественников, которые бывали на Севере или что-то об этом слышали, хотя не жили там постоянно; в паломнической литературе о Сибири язычники также описывались как кровожадные туземцы, поклонявшиеся бездушным деревянным истуканам. Не разделяя точки зрения о каннибализме и употреблении самоедами человеческой крови, Витсен допускал, что ранее это имело место. Если говорить об отношении самоедов к своему образу жизни, который они считали гораздо лучшим, чем образ жизни цивилизованных европейцев или русских, то подобные представления характерны не только для самоедов, но для всех кочевых народов Евразии, описываемых Н. Витсеном. Он писал, что самоеды, остяки и некоторые тунгусы кочевали родами; «странствуя» по бездорожным землям, они возили свои палатки (чумы) с собой на легких санках. По сообщениям автора книги о Тартарии, одежда самоедов и остяков

была сделана из меха, на ночь они выбрасывали ее вместе с большинством домашней утвари из чума, чтобы одежда не пахла дымом и этот запах не мешал им охотиться.

Витсен утверждал, что большинство из них были плосколицы и некрасивы; женщины делали всю домашнюю работу, мужчины только охотились и ловили рыбу. У самоедов не было рабов, кроме тех, которых продавали за преступление, т. е. совершивших убийство; по их обычаю, продавали человека вместе с женой, детьми и близкими родственниками. Автор книги ин-фолио подчеркивал, что они добровольно перешли под власть русских царей. Самоеды-остяки, продолжал Витсен, жившие около Оби, были язычниками, были неграмотны. Вокруг Нарыма земля также была заселена остяками; их пищей были дичь и рыба, хлеба у них не было. Язык остяков отличался от языка тунгусов; они были более белокожими, чем тунгусы. Среди остяков, живших около Оби, встречалось много москвитов (русских). Народ, живший вокруг Сургута на Оби и реке «Вак», Витсен также характеризовал как простоватых остяцких язычников, которые удивлялись русским кораблям, были «пугливы» и «смирны». Они боялись чужих и, завидев их, «бросались» им в ноги и предлагали все, что у них было, лишь бы чужаки «не трогали» их идолов.

Автор «Северной и Восточной Тартарии» подробно остановился на описании города Тобола, или Тобольска. Он утверждал, что это один из самых красивых городов Сибири. Внутри крепости (кремля) и города жили только

русские; из инородцев жили только бухарцы, но не в крепости, а в подгорной части; они были самыми богатыми купцами во всей Евразии. Другие инородцы жили не в Тобольске, а в округе. Кремль Тобольска во времена исследователя из Нидерландов перестраивался в каменный благодаря «заботам» воеводы Черкасского; он также построил две школы. Витсен писал: «Крепость в Тоболе — это ровный квадрат. Внутри города находится монастырь с тремя воротами и высокими караульными башнями. В крепости четыре таких башни. ... Внутри этого города находится более 30 тысяч боеспособных мужчин. Усадьба, где живет митрополит, окружена каменной стеной. Митрополит считается духовным главой всей Сибири и Даурии»³. От Тобольска вверх по реке Иртыш на многих реках, впадающих в Иртыш, жили земледельцы: русские и другие народы, как отмечал бургомистр из Амстердама.

Далее автор книги о Тартарии перешел к сообщению о городе Туре, Тамени (Тюмени); собственно говоря, в его труде встречались названия Тура, Тамень и Тюмерн. Город был расположен в центре Сибири, южнее Тобольска, на реке Туре, впадающей в Тобол. Витсен писал о нашем городе следующее: «Этот город Тюмень был раньше главным городом княжества, или маленького государства, где господствовал тартарский князь, которого русские называют царь Тюменский. Он имел под своей властью много сибирских, самоедских и других тартарских народов.

³ Там же. С. 948.

Он иногда воевал с русскими и причинял им ущерб. Около 100 лет назад его покорили. Войско этого маленького государства Тюмени раньше составляло 10 000 человек. Этот город, защищенный деревянной крепостью, можно обойти в течение получаса. В крепости стоит большой гарнизон, примерно 700–800 человек»⁴. Ученый-любитель сообщал, что город был заселен только русскими, а тартары были обязаны жить в долине на другой стороне реки. Земля вблизи Тюмени была довольно плодородной, и русские ее обрабатывали. Витсен отмечал, что город построен из дерева и разделен на четыре части, как бы четыре города. «Там была колокольня и часы», что в этих местах большая редкость, считал автор книги о Тартарии; правда, не совсем понятно, что он имел в виду, когда писал о наличии в городе колокольни и часов. По утверждению картографа, город Тюмень располагался на горе и был довольно хорошо укреплен. На вершине горы «стояла крепость» с четырьмя воротами и монастырем. Город был густо населен для этих мест. Предполагается, продолжал Витсен, что четвертая часть жителей — тартары, которые исповедуют магометанскую веру; они живут вне крепости, но считаются горожанами. Тартары, в основном бухарцы, вели бойкую торговлю как в землях калмыков и Бухарии, так и в других местах. Некоторые тартары, живущие в глубине «страны» Тары, расположенной к востоку от Тюмени, по мнению Витсена, занимались земледелием и рыболовством.

⁴ Там же. С. 961.

Недалеко от Тюмени жили башкиры, которые были «неверными», но умнее, чем другие язычники. Они пользовались огнестрельным оружием и были хорошими солдатами. Башкиры, сообщал Витсен, жили в постоянных жилищах и домах; у них встречались деревни, но не было городов. Он писал, что пушек у башкир не было, а у калмыков изредка «встречались» пушки, которые привозили им китайцы. Применительно к мусульманам-башкирам автором впервые использован эпитет «язычники и идолопоклонники».

Сибирские русские крестьяне, по утверждению Н. Витсена, были более культурны и образованны, чем крестьяне остальной России: они говорили на более чистом русском языке, умели читать и писать. Автор книги ин-фолио связывал это с тем, что сибирские крестьяне — потомки выходцев из городов. «Отмечают как особенность, что русские крестьяне в Сибири более культурны, чем крестьяне в самой России; они учат своих детей читать и писать, говорят на более высоком и лучшем славянском языке, чем тот, на котором обычно говорят москoviцкие крестьяне. ... Казаки в этих местах великодушны и храбры, с ними считаются и уважают их. Рядовые казаки приехали туда добровольно из России»⁵.

Описывая уровень знаний тартар Сибири и их навыков, автор «Северной и Восточной Тартарии» отмечал, что раньше в этих местах жили народы, которые были

⁵ Там же. С. 951, 952.

более развиты, знали плавку металла, строительство более удобных жилищ и, вероятно, имели какие-то связи с Китаем или даже Египтом; однако в «настоящее время» этих народов «там нет». Сибирские тартары с плавлением металла не были знакомы, а покупали его (металл) у русских. Из факта наличия развалин городов и остатков металлических изделий Витсен сделал вывод, что в Сибири раньше жили народы с лучшими, чем в конце XVII в., обычаями и ремесленными навыками. Местные жители утверждали, продолжал он, что те народы ушли из этих мест на юго-восток.

Не забыл автор книги о Тартарии упомянуть Верхотурье. Витсен писал, что город построен русскими первым в Сибири. «Путешественники, отправляющиеся дальше к востоку, должны там переждать до весны или стараться прибыть туда к весне, потому что только тогда река Тура годна для плавания. ... Это стоянка или переход в Сибирь и из Сибири»⁶. Через Верхотурье путешественники и торговые люди преодолевали труднопроходимые скалы Яикских гор. Он сообщал также, что недалеко от Верхотурья находился большой русский монастырь. Витсен упоминал верхотурскую писаницу, которая изображала распятие Христа и была создана не то первыми древними христианами Сибири, не то русскими. Автором копии писаницы, которую получил Витсен, он называл некоего «секретаря Коима». «В Сибири недалеко от Верхотурья недавно

⁶ Там же. С. 953.

в деревянном срубе под большим холмом, где, очевидно, были похоронены несколько трупов, останки которых еще видны в истлевшем виде, нашли золотую статуэтку. ... Очевидно, она имеет сходство с изображениями, какие встречаются в древних египетских могильниках около мумий. ... Древние египтяне и те, кто придерживались с ними одной религии и духовной культуры, помещают подобных идолов около тел умерших»⁷. Информатор Витсена барон Майерберг писал о туземцах, живших между Тюменью и Верхотурьем, что они почти все идолопоклонники, не знают хлеба, живут охотой и рыболовством и что он познакомился с ними через русских.

Автор книги о Тартарии подчеркивал, что все города в Сибири построили русские. В его описаниях встречались Мангазея, Обдорск, Обской, Самаров Ям, Пелым, Берёзов, Сургут, Демьянской, Нарым, Туруханск, Кетской, Томск, Кузнецк и даже Ялуторовск и Шадринск, а также Енисейск, Красноярск, Иркутск, Якутск и др. Витсен отмечал, что в сибирских городах власти «держали» запасы хлеба для «распределения» на питание и посевы в случае «нужды» в неурожайные годы. Автор карты и книги выделял город Мангазею; он отмечал, что город был «очень древним» и заселен русскими, но в нем существовало большое количество разрушений. Вокруг Мангазеи было много хороших соболей. Витсен также сообщал об Иркутске, в котором летом было жарко, а зимой — холодно. Этот город был

⁷ Там же. С. 940.

«построен» русскими около озера Байкал. Витсен писал, что в городе находилось около 450 домов горожан: воинов, золотых дел мастеров, портных и других ремесленников. В Иркутске «есть» церковь и было еще четыре церкви в пригородах. Автор книги о Тартарии подчеркивал, что город хорошо укреплен и имеет гарнизон.

Что касается народов, живших между Московским государством и Синой, в т. ч. бурятов, тунгусов и монголов, то их Витсен и его информаторы называли хорошими воинами, а некоторых — скотоводами или рыболовами. Например, буряты — трудолюбивые скотоводы, живущие в районе озера Байкал, «под рукой Их царских величеств» московских царей; по сообщениям собирателя из Амстердама, раньше они принадлежали к монголам, поэтому монгольские правители «беспокоили их», требуя дани. Буряты добывали серебро и в районе Братска жили в кирпичных и глиняных домах; это был «благочестивый» народ, живший скотоводством. Единственным недостатком бурятов, по мнению нидерландского эрудита, было их незнание о Создателе и поклонение дьяволу, которого они боялись больше бога. По уверениям ученого-любителя, буряты, или «братские люди», как их называли русские, совершая обряды, призывали злых духов, напивались допьяна, катаясь по земле возле костра и приговаривая «вай-вай». «Браты имеют свою особую письменность, но лишь немногие из них умеют читать. У них много скота, они

хорошо одеты и некоторые привержены магометанской религии. ... Они высокого роста и крепкого телосложения»⁸. Сообщая о бурятах, Витсен утверждал, что они жили в основном на берегах (в низовье) реки Селенги, которая впадала в Байкал. Байкал, большое озеро с пресной водой, «находится» целиком на территории «Их царских величеств». Затем автор «Северной и Восточной Тартарии» писал, что бурятские тартары (буряты) также жили между реками Енисей и Ангара; язык бурятов имел сходство с тартарским языком народов, живших около Якутска. По уверению Витсена, эти народы (буряты) перекочевали из-за войны с калмыкскими тартарами или сами ради большого пространства. Коллекционер из Нидерландов отмечал, что они никогда не мыли лицо, руки и тело; ничего не хотели знать об иноземной вере, поклоняясь солнцу и луне. Он сообщал, что буряты вне городов жили в низких деревянных хижинах, покрытых землей, с отверстием посередине, из которого «выходил» дым, т. е. в центре помещения они разводили огонь; хижины были расположены в основном у реки.

Витсен подчеркивал, что на реке Енисей существовали города, населенные русскими: Енисейск, Краснояр (Красноярск) и др. Енисейск был построен в «определенном порядке» из дерева и густо заселен; Красноярск «построен» русскими по приказу царей на границе с киргизами, «ранее проживавшими» в «этих местах».

⁸ Там же. С. 819.

Во втором томе книги «Северная и Восточная Тартария» Витсен писал о бурятах, живших в районе Ангары и Братска, как о народе, который поклонялся небу, кочевал вдоль Ангары, добывал медь и жемчуг и видел богатство в стадах. То есть это был народ, живший по возможности на широкую ногу, хотя каждый бурят мог иметь лишь до тысячи голов скота: волов, коров, лошадей, овец и верблюдов; если же скота становилось больше, то бурят был обязан отдать «излишки» соплеменникам. Что касается родины бурятских тартар, то Витсен считал, что они из-за междоусобиц с калмыками переселились в район Байкала из более дальних областей Азии. Помимо неба буряты поклонялись черепам жертвенных животных, которые вешали перед входом в жилище. В целом буряты были добры, отзывчивы, смиренны и веселы, хотя и поклонялись идолам или шкурам убитых животных.

О тунгусах Н. Витсен сообщал следующее: они были храбрыми воинами и одним из самых умных народов в Сибири. Тунгусские тартары были добродетельны и обладали феноменальной памятью, также были любезны и мягки по натуре. Он утверждал, что тунгусы — один из наиболее развитых народов Сибири; они изготавливали самый прочный металл (особенно медь) и лучшую в Сибири одежду. Они принадлежали к самоедскому типу тартар и ели в основном рыбу. Область Тунгусия находилась на реках Енисей и Тунгуска. Земледелие вдоль Енисея «незначительно», поэтому «иногородцам» хлеб не был

известен. Витсен отмечал, что тартары, жившие вдоль Енисея, понимали русский язык; язык тунгусов был похож на самоедский. Автор книги о Тартарии сообщал, что они были язычниками, идолопоклонниками, т. е. поклонялись уродливым идолам, но могли и наказать идола, поставив в угол, если он не помогал им. Тунгусы более всего ценили свободу и кочевой образ жизни, презирали земледелие; они вступали в брак с 15–16 лет. «Как бы убого ни жили эти люди, всё же они считают себя счастливыми в своем положении. Когда они проклинают кого-то, они желают, чтобы тот жил среди чужих и иноземцев или занимался бы земледелием»⁹, — писал эрудит из Нидерландов. На обеих берегах рек Аргуни и Шилки жили тунгусы без деревень или поселков. Витсен считал, что тунгусы достаточно миролюбивы, хотя и хорошо умеют пользоваться оружием, в частности луком; например, только они могли стрелять из двух луков одновременно. Это очень долго живущий и закаленный народ — вероятно, потому что с детства детей бросали в холодную воду и натирали снегом. Тунгусы, по утверждению исследователя, делились на три племена: конные тунгусы, оленье, которые использовали оленей, и собачьи; последние, по его словам, носили подобное название, потому что жили как собаки. Витсен относил тунгусов и остяков к мирным народам Сибири.

Самыми воинственными и жестокими из сибирских народов автор «Северной и Восточной Тартарии» считал

⁹ Там же. С. 824.

монголов, калмыков и киргизов с Енисея. Он сообщал, что эти киргизы жили в районе Красноярска и Томска, были хорошими наездниками и стрелками из лука, отличались гордым и непокорным нравом. В отличие от язычников — тунгусов, якутов и бурят — киргизы, по мнению Витсена, были достаточно разумны, чтобы знать, что есть единый бог, который создал мир. «Они также язычники, но о Боге всё же достаточно знают, чтобы ему поклоняться; сложив руки над головой и падая ниц, они говорят: мы поклоняемся вам, Богу, который создал небо и землю и т. д.»¹⁰ Что касается отношения к ним русской администрации, то, как отмечал бургомистр из Амстердама, наместник Сибири Ф. А. Головин считал киргизов самыми варварскими людьми в мире, т. к. они были неопрятны, носили одну и ту же одежду, пока не развалится, ели как животные и были склоны к бунту; поэтому русские не давали киргизам огнестрельного оружия.

Впрочем, сам Витсен о многих народах был ничуть не лучшего мнения. Например, он называл остяков подобными животным только потому, что они не умели читать и писать и не знали почти ничего о своем прошлом и о боге, а если и знали, то предпочитали поклоняться деревянному шайтану или злу, которое в противном случае «накажет их». Хотя остяков автор книги ин-фолио явно жалел, он писал, что во всей Тартарии нет более бедного народа. Правда, бедность их происходила главным

¹⁰ Там же.

образом от остяцкой лени, фатализма и незнания того, какими большими богатствами (а именно дорогими мехами, рыбой и огромной незаселенной территорией, на которой могла бы жить вся Западная Европа) они обладают. Одновременно Витсен утверждал, что в «последнее время» остяки стали несколько более воспитанны и цивилизованны, общаясь с русскими; к тому же «Их величества» русские правители взялись нести слово божье остякам и стали поощрять тех из них, которые приняли христианство: не брали с них подать (ясак). За такое дело «Их величества» цари московские, по мнению исследователя, «удостоятся» похвалы в веках.

В общем Витсен высоко оценивал роль России и Китая в миссии просвещения кочевых народов, которых он называл тартарами, хотя и отмечал, что не всем нравилось это наименование: каждое племя предпочитало пользоваться своим названием. Например, население области Мавераннахр (современное название — Средняя Азия) называло себя или зактай, или узбеками; те, которые жили поблизости от Китая, — монголами.

В арабских странах, Сирии и Турции тартарами называли христиан-крестоносцев. Ученый-любитель допускал, что когда-то существовала единая империя Великих тартар или монголов со столицей не то в Сине, не то в Индии. Эта империя могла включать, по мнению Витсена, Китай, Индию, Поволжье, Среднюю Азию, арабские страны до Египта и Сирии, а также всю Сибирь и Дальний

Восток (во времена Витсена территория современного Дальнего Востока тоже называлась Сибирью), откуда население этой империи проникло в Америку, где создало свое «королевство». Вывод о «королевстве» в Америке исследователь сделал, возможно ошибочно, опираясь на якобы тартарские имена южноамериканских правителей, таких как некий Татарнал в Перу.

Постепенно, согласно одной из теорий, от этой Великой Евразийской империи в руках монгольских правителей осталась только Индия, где и «сейчас», по мнению собирателя из Нидерландов, продолжал править государь-монгол, потомок великого тартарского полководца Чингисхана. При этом исследователь утверждал, что неизвестно, правда ли это; что, возможно, тартары — это древние скифы Геродота, которые когда-то покорили и заселили всю Азию, кроме Персии, а теперь разделились на разные народы. Согласно версии, существовавшей ранее и озвученной Витсеном, когда-то все население Тартарии за Великой Китайской стеной было истреблено императором Хуан-ди, а освободившееся пространство заселено синцами-колонистами, которые спустя некоторое время одичали, забыли о своей родине, решили завоевать богатый Китай и «теперь владеют» им. Однако впоследствии утверждение о том, что Тартария — единое государство от границ Сины до границ московских владений, включая Сибирь, было признано Витсеном ошибочным.

Одним из признаков цивилизованности кочевых народов Евразии Витсен считал близость проживания того или иного племени к владениям Русской империи или Сины. Об этом он писал в сообщении о калмыках, утверждая также, что они (калмыки) были некрасивы, свирепы, но при этом не скрывали чувств и были храбры. Витсен отмечал, что калмаки (калмыки), проживавшие в «стране Калмакии» (Калмыкии), которую окружающие народы причисляли к странам Восточной Тартарии, имели соседями восточных мугалов (монголов). «Страна Калмакия» на севере граничила с небольшой «страной Алтин», на западе — с рекой Яик и нагайскими тартарами, а на юге — с бухарами. Эта «страна» была разделена на орды (улусы), кочующие со скотом и кибитками, подчиненные одному правителю (тайше). Витсен считал, что туркмены (трухмен, или трухменси) — тартарский народ, также вышедший из калмыков и живший недалеко от Каспийского моря. Большинство калмыков — язычники, продолжал Витсен, их язык и письменность совпадают с мугальскими; вместо храмов у калмыков были «странные» большие войлочные церкви с двумя дверьми. Одежда этих тартар состояла из овечьих, лисьих и пр. шкур, но у состоятельных калмыков имела одежда из ценных шелковых тканей. Автор книги «Северная и Восточная Тартария» утверждал, что калмыки часто воевали и с крымскими, и с башкирскими тартарами, и с синцами; калмыкские женщины участвовали в сражениях наравне с мужчинами. Слово «калмак»,

пояснял Витсен, происходило от словосочетания «длинные волосы», т. е. «косы», которые носили калмыки. Автор книги ин-фолио был удивлен, что о таком храбром и сильном народе почти ничего не знали ни древние, ни современные исследователи, кроме русских, поскольку этот народ упоминался только в русских источниках.

В этом же разделе Витсен утверждал, что варварство — следствие не рождения, а всего лишь воспитания. Например, он сообщал, что из одной пленной калмычки удалось сделать просвещенного человека, научив ее читать и писать, а также рассказав о божьих истинах. Таким образом, население Тартарии можно и нужно было сделать более образованным, считал Витсен. Еще одним признаком уровня развития народов Тартарии и Сибири, как упоминалось выше, картограф считал фактор близости проживания народа к Московской империи либо к Сине. Это представление распространялось на многие народы Средней Азии, которые были намного умнее соседей, жили лучше и богаче по двум причинам: во-первых, из-за остатков арабской учености и до сих пор функционирующей Самаркандской академии, во-вторых, потому что рядом находились русские владения.

Продолжая описание тартарских народов Сибири, автор уделил внимание якутам. Якуты, жившие возле Якутска, по мнению Витсена, были лучше нравом, чем их соседи; они отличались правдолюбием, честностью, храбростью, а также знаниями о существовании бога и носили меховую

одежду (шубы) вместо шкур. Автор книги о Тартарии отмечал как положительную сторону характера якутов любовь к наказаниям и крепкую руку; однако последнее ему явно сообщил не якут, а представитель русской администрации. Витсен сообщал, что якуты зимой жили в хижинах, которые огораживали деревом и землей, а летом — в палатках из звериных шкур. У якутов было большое количество скота; они ценили собаку больше соболя, т. к. она ловила соболя. Автор карты и книги отмечал, что некоторые слова языка якутов были сходны с мугало-тартарским языком. Якутские тартары делились на три «секты»: первые верили в орла, вторые поклонялись лебедю, третьи почитали ворона. Далее Витсен писал, что около Якутска кроме якутов жили юкагиры, тунгусы, ходынцы и т. д.; каждый из этих тартарских народов говорил на своем языке. О якутах он писал: «Они верят, что на небе есть Бог, который дает жизнь, пищу и детей. Весной они устраивают праздник. Тогда зажигают большие костры и льют в них, по направлению к востоку, водку из молока. Сами они ее тогда не пьют. Их язык похож на язык магометан. ... Основная охота у них идет на оленей. Они умеют также приручать и использовать их для еды»¹¹.

На реке Енисей на острове Рыбный возле одноименного городка, по описанию Витсена, жили некие обособленные тунгусы. Но если всех прочих тунгусов он хвалил как храбрых, умных, отважных, честных и сильных, то этих

¹¹ Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Т. 2. С. 851.

описывал более негативно, хотя они были сильными и высокими и носили красиво сделанную одежду из оленьих шкур, спереди похожую на европейскую. Эти тунгусы, отмечал картограф (правда, не все), имели ужасный обычай: когда человек больше не мог добывать еду, его клали в деревянный гроб и уносили в лес, а через несколько дней возвращались на то же место и сжигали человека, если он был мертв. В этом состоял погребальный обряд; унося человека в лес, его считали почти мертвым.

Витсен продолжал: вокруг Иркутска располагались язычники, которые жили в юртах, носили меховые шубы на голые тела и спали голыми на полу, как животные. Русские под Иркутском выращивали много пшеницы и ржи. «Внутри Иркутского обычно находятся 500 человек ратников гарнизона, но они редко бывают все налицо, потому что их по частям посылают в окрестности»¹². Голландский эрудит сообщал, что большинство сибирских язычников в районе Иркутска и Томска не умели ни читать ни писать, поэтому, чтобы подтвердить факт уплаты налога, они получали марки с печатью приложенного перстня, который носили на пальце. В окрестностях Томска местные язычники, кроме тех, которые жили близко от русских, не знали денег.

Бургомистр из Амстердама акцентировал, что многие народы Тартарии и в особенности Сибири почти не употребляли хлеба, вместо него использовали сушеную рыбу или рисовые лепешки с медом. При всем отрицательном

¹² Там же. С. 972.

отношении Витсена к варварам он считал, что они имели многие достоинства, которых не было в Европе или они «развиты слабо»: честность, смелость, скромность, искренность в вере, а также веротерпимость. Но по мере того, как варвары вступали в контакт с Китаем или Московской империей, они всё более напоминали синцев или русских и в одежде, и в быте. Впрочем, если, сливаясь с русскими, они узнавали религиозные истины, становились более вежливыми, то находясь рядом с китайцами, теряли свое лицо и становились похожими на них: лгали, приобретали фанатизм и трусливость. Присоединяясь к России, туземцы получали много больше, чем те, которые уходили к синцам, а именно: навыки земледелия, прекращение междоусобиц и представление об истинной, как утверждал Витсен, вере, хотя многие оставались язычниками и либо совсем не знали о боге, либо знали, но поклонялись дьявольским идолам и не ведали о своем прошлом. Последнее было характерно для всех сибирских тартарских народов, за исключением тех, которые жили поблизости от русских.

Основными занятиями сибиряков были охота, рыболовство и скотоводство. Скотоводством в основном занимались тартарские народы, земледелием и огородничеством — только русские и те немногие инородцы, которые слышали об огородах от русских. Большинство сибирских тартарских народов, по утверждению Витсена, кочевали с места на место, жили в юртах или шалашах из веток или кожи. Дома из камня почти не строили, а если строили, то только русские

или пришлые мастера из Сины для калмыцких бонз или князей. Автор «Северной и Восточной Тартарии», приводя пример строительства из камня, писал об Югории, или Юргечи: «Говорят, что люди там живут очень культурно и что там много остатков больших каменных зданий. Много каменных домов, в которых эти люди живут»¹³. Югорцы были более красивы, чем остальные сибирские тартары: не такие большеголовые и плосколицые, сообщал эрудит; он утверждал, что их язык похож на язык венгров.

Жители Тартарии и Сибири помимо животноводства занимались торговлей, но самыми лучшими торговцами в Азии Витсен называл бухарцев. Они, по сообщениям ученого-любителя, держали в руках всю торговлю в Азии, особенно между Синой и Московской империей. Не в последнюю очередь это происходило потому, что бухарцы были расчетливы и дружны с калмыками, которые только этот народ пропускали на путь из Сины в Сибирь, контролируемый ими. Бухарцы часто работали менялами, из-за чего эрудит из Нидерландов даже называл их евреями и писал, что помимо обычая менять у бухарцев сохранился еврейский обычай обрезания; хотя многие из них «в то время были склоны» к мусульманству. Среди сибирских тартарских народов самыми многочисленными автор «Северной и Восточной Тартарии» называл остяков и тунгусов. Конечно же, Сибирь к областям, объединенным условным названием Тартария (территория между Синской стеной

¹³ Там же. С. 981.

и Волгой), причислять было не принято, но Н. Витсен сделал это из-за географической близости, обычаев сибирских инородцев и населения Тартарии.

Среди интересных обычаев населения Сибири, свойственных только отдельным народам, Витсен называл, например, наказание провинившегося идола у якутов: идола, который не помогал, ставили в угол, секли плетью и даже рубили на части. Кроме того, в сообщении о бурятах приводились рассказы о потлаче (современный термин), т. е. обряде избавления от «лишнего» скота. Когда у кого-то из бурятов набиралось более одной тысячи голов скота, все животные сверх этого количества выставлялись в отдельный загон; другие (желающие разбогатеть) члены племени угоняли этот скот, после чего он признавался добытым в бою и являлся собственностью нападавших. Задача облегчалась тем, что охранявшая скот старуха, вооруженная луком, умышленно стреляла мимо. Витсен считал большим достижением сибиряков (тартар и русских) создание ручных мельниц, с помощью которых они готовили масло кедрового ореха, использовавшееся в качестве лекарственного средства. Сибиряки также умели делать масло из коровьего молока. Земля в Сибири была «жирной», потому давала больше урожая без удобрения, чем с удобрением.

Критике инородцев Сибири и всего исследуемого Витсеном региона часто подвергалась культура еды. Например, об остяках он писал, что они, как и другие тартарские народы, очень неразборчивы в еде: «Они употребляют

[в пищу] водяных крыс, мертвых лошадей и другую нечисть. Они не молятся перед едой. К ним привозят из южных и более восточных стран табак различного цвета»¹⁴. Продолжая описание столовых обычаев сибирских язычников, он сообщал, что они ели не в определенное время, а когда были голодны. Пища их была обычно вареная и очень грубая; ее брали полными горстями, как дикари. Также Витсен критиковал обычай сибирских тартар наклонять голову над горшком, чтобы излишки еды падали изо рта в горшок. Чистоплотными в еде, по его мнению, были бухарцы, жившие вокруг Тобольска; они даже имели собственную утварь: сундуки, ящики и пр. Нужно отметить, что автор книги осуждал в основном обычаи, несходные с голландскими или с западноевропейскими, но хвалил похожие. Например, критикуя обычаи поведения за столом, принятые в Сибири, он при этом хвалил обычай есть руками, как немцы: это для него было совершенно нормальным. Стоит подчеркнуть: его приводил в недоумение факт отсутствия у варваров молитвы перед обедом. Это один из тех примеров, когда автор «Северной и Восточной Тартарии» раздражался, видя несоответствие тем традициям, которые для него являлись священными и отличали человека цивилизованного от дикаря и человека, жившего правильно, от варвара, поступавшего безбожно: варвар не молился перед едой, принимал пищу когда хотел, а не когда это «следовало делать» и еду брал руками, а не «как положено» — двумя пальцами.

¹⁴ Там же. С. 101б.

Большинство сибирских язычников жили вне деревень. Отличительной чертой сибирских народов, отмечал Витсен, было крепкое здоровье; многие старики в Сибири жили более ста лет и выглядели бодрыми. Северным сибирским народам было свойственно, по мнению картографа, нежелание узнавать что-либо новое или судить о чем-либо; они оправдывали это тем, что не смогли бы работать как иноземцы или жить в других местах. Основным оружием татарских сибиряков были стрелы, луки и тесаки (топоры).

Дома сибирских инородцев, в основном юрты, по утверждению Н. Витсена, были сделаны из досок, на половину углублены в землю, как погреб. «Они покрыты дранкой или щепками и корой деревьев. Жители теперь почти никогда не ведут войны между собой, так как русские их держат в своей власти. У сибиряков, которые живут близко от русских, встречаются коровы и свиньи, но живущие далеко даже не знают о них. Их занятие — это охота, особенно зимой»¹⁵, — писал нидерландский эрудит. Он подчеркивал, что киргизы, остяки и некоторые другие народы Сибири называли себя помимо основного названия татарами, или тата. Из музыкальных инструментов у сибирских инородцев наиболее популярными были сибизга и торнабаз. Первый был похож на норвежскую дудку, сибиряки-язычники использовали его, когда веселились; на торнабазе были натянуты три струны из конского волоса.

¹⁵ Там же. С. 995.

По утверждению Витсена, кое-где в Сибири местные князья древнего рода имели определенную власть: казнить и миловать. Они пользовались уважением среди соплеменников, поэтому имели право производить суд над ними и делали это с помощью стрел, но это осуществлялось под надзором русских воевод. Тартары-магометане, жившие среди язычников между Верхотурьем и Тюменью, говорили на одном языке с тартарами Астрахани, как сообщил Витсену некий «путешественник Никифор».

На протяжении всего второго тома Н. Витсен критиковал представления сибирских язычников о жизни после смерти. Он писал, что о загробной жизни сибирские язычники не имели понятия, но некоторые пустословили о мирских забавах на том свете, «будто там» — много скота, изобилие пищи, питья и т. п.

Характеризуя семейный уклад инородцев Сибири XVII в., автор писал, что местные жители покупали жен и каждый из них имел столько жен, сколько хотел. Однако сибирские жители были менее склоны к многоженству, чем население южных областей Тартарии. Сибирские тартарские женщины были в основном скромны и не распутны, приятны мужчинам и горячи по натуре, сообщал он. «Мужчина в сибирском хозяйстве выходит на охоту и рыбную ловлю, делает стрелы и лук, режет скот или пойманное животное. Женщина назначает обед и приготавливает пищу. После родов она долго не лежит, быстро

поправляется. У них нет постели или кровати. Они спят на полу, на скамейках и на печках»¹⁶.

Описывая судебные обычаи сибирских народов, Витсен писал, что в Сибири существовали наказания, при которых вора́м выламывали руки, отрезали носы и уши, клеймили их; эти обычаи автор считал подобными монгольским. Однако ниже он пояснял, что, как правило, за воровство наказывали возвращением краденого в пятикратном размере. Витсен не уточнял, за что сибирские инородцы применяли усечение конечностей, хотя можно предположить, что данный вид наказания применялся в том случае, если обвиняемый не мог компенсировать краденое. Расстрел из лука применялся местными князьями, вероятно, при тяжких преступлениях; наказания за такие преступления назначались, как отмечалось выше, только с участием представителей русской администрации.

Иногда автор «Северной и Восточной Тартарии», как уже упоминалось, пытался объяснить, откуда какой народ происходил; порой его выводы были наивны, но иногда верны. Например, он рассуждал о том, что пермский язык похож на остяцкий; хотя вывод о том, что остяки — это сбегавшие от христианства пермские язычники, сменившие название на остяков и вогулов, возможно, верен. Исследователь писал, что они и «сейчас язычники». Бурятов и якутов он считал монголами, перешедшими добровольно

¹⁶ Там же. С. 1017.

в подданство России, а население Северной Америки — выходцами из Сибири.

Витсен называл Сибирь благодатной частью мира и приводил краткую характеристику народов Сибири от Урала до границ Китая (Сины), используя информацию, предоставленную сибирским наместником Головиным. В характеристику входили язык, религия, наличие или отсутствие письменности и другие сведения.

«I. Вогуличи, небольшой народ, имеет собственный язык, но не имеет письменности. Они идолопоклонники.

II. Магометанские тартары.

III. Барабинцы — это народ, смешанный из тартар и калмыков.

IV. Нижние остяки — народ без письменности, численностью около 10 000 человек. Это простой народ, они идолопоклонники.

V. Берёзовские самоеды — без письменности, они идолопоклонники.

VI. Верхние остяки — без письменности, питаются рыбой. Они идолопоклонники. Имеют собственный язык, который не совпадает с языком нижних остяков.

VII. Чулымские тартары, которые платят Его Царскому Величеству дань, и киргизские тартары — идолопоклонники, но с магометанами во многом сходятся. У них нет письменности. Их можно было бы назвать помесью с магометанами.

VIII. Алорны тунгусы — воинственный народ. Они ездят на оленях, не имеют письменности, они идолопоклонники. Этот народ очень многочисленный в Сибири. Он распространяется до синских границ. У них свой самостоятельный язык. ... Живут они по 3–4–7 семей вместе, широко рассеяны в лесах.

IX. Якуты. Это многочисленный народ. Они идолопоклонники, не имеют письменности, живут вокруг реки Лены...

X. Браты — язык их несколько сходен с языком калмаков. Они живут вокруг озера Байкал. Они идолопоклонники, не имеют письменности.

XI. Сойоты — язык их смешан с языком тартар. Они идолопоклонники, без письменности.

XII. Могалы являются идолопоклонниками. Они имеют письменность.

XIII. Конные тунгусы — идолопоклонники, без письменности. Это воинственный народ»¹⁷.

Другой информатор Витсена утверждал, что верхнеобские остяки были одеты и жили лучше, чем нижнеобские, хотя и те и другие были наивны, темны и глупы, а также тайком поклонялись дьяволу. Вообще все сибирские язычники поклонялись либо деревянным идолам, либо медведям и слепым шаманам, колдунам и шукурам животных. Некоторые тартары и часть башкир придерживались магометанских законов; русские и часть инородцев исповедовали христианство.

¹⁷ Там же. С. 1019.

Автор «Северной и Восточной Тартарии» представил достаточно подробное описание народов современных Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая. Сообщая о народах, живших на этих территориях в XVII в., Витсен отмечал, что «даур» по-мугальски (монгольски) означает «граница», отсюда Даурия. Даурцы — трудолюбивые земледельцы, они жили в простых домиках, построенных из глины. Даурцы были хорошо сложены; они поклонялись деревянным фигуркам. Витсен писал, что эту «страну разрезает» большая река Амур, которая впадает в Индийское Восточное море (ныне Охотское). Русские основали в истоке этой реки городок Нерчинский (Нерчинск), окруженный деревянной стеной таких размеров, что по ней можно ходить и «защищаться с ружьями и копьями». Около Нерчинска была хорошая земля, которая «кормила» население. Далее картограф сообщал, что недалеко от Нерчинска жили конные тунгусы, которые перешли под власть московских царей. Эти тунгусы были храбрее, чем мугалы, и по призыву воевод сражались вместе с русскими. Они жили в «юртах», занимались в основном скотоводством.

Естественно, автор этой книги не охватывает всех народов, живших в Восточной Тартарии, куда входило население Даурии. Остановимся лишь на описаниях народов, проживавших в XVII в. на территории Российского государства. Названия многих народов с течением времени изменились или Витсеном присвоено название, которое было принято в Европе. Автор «Северной и Восточной

Тартарии» писал, что все народы, жившие к северу от Амура, признавали власть «Их величеств» московских царей; кое-где в этих отдаленных краях русские построили укрепленные городки. Следовательно, русский царь владел большим числом «царств» и «стран», связанных между собой и объединенных названием Даурия. Например, к северу от устья Амура жили гиляки; Витсен считал, что гиляцкие народы «принадлежали» к тартарам Ниухе (маньчжурам), которые в XVII столетии владели Синой. Они не сеяли хлеба, а питались рыбой, птицей и дичью и не платили никому дани. Автор отмечал, что этот народ был очень воинственным.

Если обобщить представления Витсена о народах Тартарии и Сибири, то эти народы делились на варваров и не варваров. Ученый-любитель выделил следующие черты варварства или цивилизованности, присущие в разной степени всему населению Тартарии и окружающих стран Сибири и Самоедии. Черты цивилизованности по Витсену — это прежде всего знание народа о едином боге или неточные знания о нем. Впрочем, даже смутные представления о боге, создавшем весь мир, делали народ в глазах автора книги о Тартарии более цивилизованным, чем при полном отсутствии этих представлений или приверженности его (народа) идолам. Всех идолопоклонников он причислял к последователям дьявола и критиковал их обычаи, однако при этом был уверен, что большинство идолопоклонников можно было бы обратить

в христианство. Как утверждал Витсен, они поклонялись идолам либо по незнанию, либо по глупости, доверяя сказаниям слепых шаманов либо из страха, либо из-за обмана хитрых жрецов, которые заставили многих в Тартарии и Сине верить в ересь бонз и лам и в то, что в Тангуте живет бессмертный лама. Впрочем, большинство язычников и «еретиков» не держались за свои учения, подчеркивал коллекционер, хотя и верили более искренно, чем многие европейцы. Иногда термин «язычники» употреблялся автором карты и книги по отношению к последователям мусульманства; хотя редко, всего несколько раз, — по отношению к сибирским тюркам. Единственными язычниками, которых, по мнению Витсена, было бы сложно обратить в христианство, были остяки из Сибири, которые, по утверждению русского информатора, не хотели жить иначе, чем их предки. Если к буддистам и язычникам Витсен относился резко отрицательно, то к мусульманам более нейтрально. У него отсутствовало понятие связки «магометане — варвары»; зато было понятие, что народы варварские, по отношению к идолопоклонникам: остякам, тунгусам, бурятам, гилякам, самоедам и т. д. Эрудит из Амстердама считал варварами всех, кто поклонялся деревянным идолам и слепым шаманам, кроме тех, которые жили поблизости от русских и многому научились у них.

Следующим отличием цивилизованного человека от варвара и даже человека, похожего на животного, исследователь называл способность того или иного народа

читать и писать. Поскольку большинство тартарских сибирских народов не умели читать и писать, то они причислялись к варварам. Наиболее учеными и склонными к обучению сибирскими народами Витсен называл киргизов и тунгусов. Последние, по его мнению, выделялись лучшей среди тартарских народов памятью, долгожительством; также многочисленностью и способностью к выделке металла, хотя и в малых количествах. Тунгусы более всего ценили свободу и свой образ жизни, при этом презирали тех, кто занимался земледелием. Тунгусы, остяки и киргизы являлись самыми многочисленными тартарскими народами Сибири. Что касается всей Тартарии, то там самыми многочисленными и сильными народами являлись, конечно же, русские, затем синцы (китайцы), нихайские тартары (маньчжуры и калмыки). Все эти народы, кроме калмыков, обладали, соответственно, возможностью читать, писать и познавать науки. К народам, обладавшим большими знаниями и возможностью писать, также относились персы, бухарцы, хорезмийцы и другое оседлое население Ирана и Средней Азии, хотя ученость народов Средней Азии (Мавераннахра), как отмечалось выше, Витсен считал обусловленной не их собственными знаниями, а остатками арабской учености либо чем-то, привнесенным туда русскими.

Еще одними признаками цивилизованности народа для Витсена являлись манеры и правила поведения, а также представления о гигиене. Если какие-либо жители Тартарии или Сибири были грязны, ели сырое мясо или были

невежливы, то он считал их варварами или вовсе называл похожими на животных. Например, он писал, что население северных районов Тартарии и Сибири вокруг «Ледяного моря» жило подобно зверям: они не мылись, были грубы и ели сырое мясо. Однако при всех отрицательных оценках многих народов, как уже акцентировалось выше, Витсен утверждал, что варварство — следствие не рождения, а воспитания и это можно исправить. Самым грубым, жестоким, некрасивым и варварским народом во всей Тартарии, который не останавливался даже перед продажей собственных детей в рабство в русские области Сибири, Витсен считал калмыков. Но при всем негативном отношении к ним ученый-любитель хвалил их храбрость и воинственность, благодаря которым они завоевали огромные территории степей между Волгой и Сибирью, а также то, что калмыцкие женщины были самыми свободными и храбрыми во всей Азии. Возможно, предполагал Витсен, именно «отсюда» пошла легенда об амазонках. Как отмечалось выше, автора книги о Тартарии удивляло, что о таком храбром и сильном народе ни древние, ни современные исследователи почти ничего не знали.

При всех негативных оценках тартар, которых он сам, его информаторы и информанты часто называли грубыми варварами, не ведавшими, что происходит в мире, в труде амстердамского бургомистра были и положительные отзывы о варварах как о гораздо более честных и более открытых, чем их цивилизованные соседи. Например,

Витсен, ссылаясь на М. де Палафокса, сообщавшего о западных тартарах Ниухе (хотя синцы называли тартарский народ, который покорил Сину, именем Жингхао), писал: «Они откровеннее, чем синцы, и не так мстительны и недоверчивы. У них много хороших человеческих черт; они не обманывают, очень совестливы и честно ведут дела»¹⁸. Вероятно, на подобные противоречивые представления о варварах повлияло преобладание в то время двойственного представления об иноземцах: с одной стороны, иноземец, особенно китаец, для европейца — это варвар, который не знает культуры и правил поведения, ведет себя нецивилизованно, грубо и жестоко, поклоняется ложным идолам и т. д.; с другой стороны, варвар для европейца XVII в. — это благородный дикарь, свободный ото лжи и негативных сторон современной цивилизации. Вероятно, эти представления влияли на позицию Н. Витсена ничуть не меньше, чем прочитанная им научная литература: Библия или географические изыскания, мировоззрение протестанта, а также любопытство и преклонение автора карты и книги перед прошлым Азии или его поиски северного пути в Индию и Северную Америку.

Одним из основных факторов, влиявших на формирование представлений Витсена о народах Тартарии и Сибири, был европоцентризм, выражавшийся в том, что он превозносил или отмечал в бытии и представлениях народов Северной и Восточной Тартарии всё, что так или иначе

¹⁸ Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Т. 1. С. 38.

напоминало ему европейский быт, традиции, научные знания и религиозные представления европейцев. Однако европоцентризм Витсена по отношению к научным знаниям, морали, быту и общественному устройству народов Востока не был абсолютным и однозначным. Если он находил нечто лучшее в быте и нравах народов Тартарии и Сибири, он отмечал это. Например, он писал, что в Тартарии люди более храбры, искренны, в т. ч. более искренны в своей вере, чем европейцы, не знают жадности и волокиты, в отличие от европейцев. Что касается европейской эстетики, т. е. представлений о прекрасном, то европейские эстетические взгляды XVII в. были для Витсена образцом; всё, что не соответствовало им, воспринималось как варварство и безвкусица, а всё в искусстве народов Азии, что напоминало европейское, восхвалялось автором. Единственным исключением были синские ремесленные изделия, которые были лучше европейских. Подобно тому, как исследователь превозносил европейские ценности и быт, он прославлял христианскую этику и то, что в других верованиях напоминало ему элементы христианства. Всё, что не соответствовало христианской этике, подвергалось критике в книге Витсена, трактовалось как сказки и фокусы, в которые верили люди по своей наивности или под влиянием традиций. Подобное возвышенное отношение голландского эрудита к христианству было обусловлено не только его европоцентризмом, но и факторами христианской этики, в которой он и большинство его информаторов воспитывались.

Таким образом, сочетание христианской этики и научных знаний приводило к тому, что представление автора «Северной и Восточной Тартарии» о народах Евразии складывалось как на основе рациональных умозаключений, так и выводов, базирующихся на христианском мифе. Впрочем, Николаас Витсен, как правило, ссылаясь на разумные выводы, которые преобладали над религиозными. Однако значения религиозных представлений Витсена как фактора, повлиявшего на его восприятие Тартарии и Сибири, преуменьшать не стоит, поскольку именно опираясь на сведения из Нового Завета, Витсен делал вывод о распространении христианства по всему свету.

Подобный вывод автора «Северной и Восточной Тартарии» показывает, что порой его научные заключения формировались под влиянием религиозных представлений. Это происходило тогда, когда религиозный источник воспринимался Витсеном как источник научных сведений о народах, их уровне развития, о религиозных представлениях или научных знаниях народов. Кроме того, на представления исследователя об уровне научных знаний этносов влияли такие факты, как осведомленность народа о своем прошлом, технических новшествах и наличие производственных навыков, а также готовность его (народа) учиться самому, учить других новшествам, нести слово Божье другим, верить в него, отказываясь от заблуждений. Если народы были готовы принимать знания, знали слово Божье, европейскую этику

и эстетику и если их представления об этике и эстетике совпадали с европейскими, то они (народы) объявлялись цивилизованными; если нет, то они считались далекими от цивилизованности.

Еще одним фактором, влиявшим на представления Витсена о народах Тартарии и Сибири, было то, насколько близко тот или иной народ жил к России или Китаю. Если народ жил близко к этим государствам, признанным источниками цивилизации, то он априори был более цивилизован, мягок и развит; если же далеко от этих стран — значит, менее цивилизован. Впрочем, отношение Витсена к менее цивилизованным народам не было абсолютно негативным; это было обусловлено представлением о дикарях как о благородных созданиях, живущих без пороков цивилизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Содержание «Северной и Восточной Тартарии» отражало историко-географические реалии Российской империи и сопредельных ей государств в конце XVII в. Для Европы это являлось и политическим и юридическим закреплением за русскими царями огромных территорий. И самое главное: основу книги во многом определяли письменные и устные источники, полученные Николаасом Витсеном легальными и нелегальными путями из самой России. Книга Витсена, первоначально задуманная как комментарии к карте Тартарии, стала одним из крупнейших трудов эпохи, посвященных Евразии в целом и Сибири в частности.

Большое значение труда Витсена состоит в том, что он свел различные сообщения в блоки по географическому

и этнографическому принципу: например, сообщения об остяках или синцах, нагайцах или самоедах и т. д. Именно Николаас Витсен первым из современников предоставил конкретную и обширную информацию о Сибири XVII в., обычаях народов, населявших эту территорию, и об их языках. К тому же страсть Витсена к коллекционированию разнообразных сведений не ограничивалась Сибирью: он подробно сообщал о Маньчжурии и Корее, бассейнах рек Амура и Волги, Монголии, Тибете, Центральной Азии, Крыме и Кавказе, а порой совершал «экспеды» в Японию, Китай, Америку и Австралию. В отличие от более ранних трудов западных картографов и писателей, в карте и книге о Тартарии содержится большое количество деталей.

Подводя итоги, можно подчеркнуть: для Витсена источниками цивилизованности в Тартарии, Сибири и Самоедии являлись два самых развитых государства этого региона — Московская империя и маньчжурский Китай, вокруг которых жили различные варварские народы. Третьими по силе в Азии, по мнению нидерландского собирателя, являлись калмыки, жившие между этими великими государствами. Обширность владений калмыков, писал он, настолько велика, что они смогут стать третьей силой в Тартарии; хотя в итоге калмыки подчинились Московскому царству, попросив защиты от китайцев (синцев). Витсен считал, что чем ближе кочевые народы жили к Московскому государству или Сине, тем более они были

цивилизованны. Подобные утверждения не распространялись на самоедов, живущих недалеко от Архангельска, которые, наоборот, чем ближе жили к русским поселениям, тем менее были цивилизованны и более некрасивы. Некоторые исследователи утверждали, что это всего лишь ошибка перевода, а сам автор книги никогда не приходил к такому выводу о самоедах.

Опираясь на материалы, предоставленные информаторами, Витсен выделял признаки цивилизованности или варварства народов Евразии. К цивилизованности, по мнению нидерландского эрудита, относились знание о едином Творце всего мира и вера в него, иными словами, христианские ценности. Признаками цивилизованности, по глубокому убеждению Витсена, были и наличие у того или иного народа памяти о прошлом, представлений о своих героях, а также присутствие собственных письменности, хроник, книг и т. д. Этой привилегией обладало, безусловно, русскоязычное население Тартарии и Сибири — сами русские и народы, жившие близко к ним. Такой же привилегией обладали синцы и монголы. Впрочем, все величие монголов, считал Витсен, кануло в Лету, а современные монголы создать ничего не могли и лишь вспоминали о прошлом; они уже с трудом понимали свои тексты, воспринимая сказания об обычных людях как некую священную историю, которой поклонялись.

Степень цивилизованности, в соответствии с представлениями ученого-любителя из Амстердама, определялась

и тем, в каких жилищах жил тот или иной народ. Низший ранг жилища — это шалаш или кибитка; следующими по ранжиру в понимании автора «Северной и Восточной Тартарии» и его информаторов шли глиняные дома. Ну и самым высшим признаком цивилизованности, по убеждению Витсена, являлось умение народа строить каменные и кирпичные дома. Ранее, считал собиратель из Амстердама, большая часть населения Азии умела строить каменные жилища, но со временем это умение было утрачено. Оставшиеся каменные постройки, в частности в Сибири, для местного населения являлись не образцом строительства, а всего лишь объектом поклонения цивилизациям, прежде существовавшим на этой территории. Только русские умели строить в Тартарии и Сибири каменные дома, церкви и т. д. Впрочем, под городом «Красным» на территории проживания в XVII в. енисейских киргизов тоже существовали каменные сооружения, но киргизы не могли вспомнить, кто их строил, для них эти сооружения являлись лишь объектом поклонения. То же самое Витсен сообщал со слов информаторов об огромных каменных луках, которые были сооружены на Енисее. Местное население утверждало, что их сделали великие богатыри, якобы они сложили луки во славу своих великих побед. Но на момент написания книги енисейские аборигены, считал Витсен, ничего подобного создать не могли и жили в юртах-лачугах.

Следующими признаками цивилизованности, по мнению ученого-любителя, являлись наличие у народа

сложно сшитой одежды, правила приема пищи и способ ее приготовления. Вслед за своими информаторами людей, которые ели сырую пищу, он причислял не то что к варварам, а скорее к животным. Подобным нелестным характеристикам удостоились народы севера Сибири, а именно нивхи, некоторые угорские народы, часть чукчей, население Камчатки и особенно архангельские самоеды. Хотя не очень понятно, кого Витсен имел в виду под архангельскими самоедами; скорее всего, речь шла о ненцах, которые не готовили пищу.

Косвенными признаками цивилизованности Витсен считал обряд омовения, степень знакомства с христианством, наличие знаний о своем прошлом и о времени, оседлый образ жизни, развитие каких-либо искусств и то, являлся народ свободным или подчинялся кому-либо. С наличием свободы не повезло корейскому народу, который, единственный из всех в Тартарии, находился под двойным господством: Японии и Китая. И, наконец, существование княжеской власти тоже было признаком цивилизованности народа, на этом настаивал А.Ф. Головин. В представлении русской администрации к признакам цивилизованности добавлялось отсутствие стремления тартарского народа к мятежу.

Необходимо подчеркнуть: Николаас Витсен сделал вывод, что Вильгельм Рубрук ошибочно считал Тартарию единым государством, т. к. существовали лишь некоторые народы, которых европейцы называли тартарами,

но сами эти народы себя так не называли. Многие прежние великие цивилизации Востока, утверждал картограф, обратились в пыль и знания прежних географов и путешественников, таких как Джованни дель Плано Карпини и Марко Поло, безусловно устарели. Витсен был одним из первых западноевропейских исследователей, который определил Сибирь как регион от Рифейских (Яикских) гор до озера Байкал.

Поскольку большое влияние на мировоззрение амстердамского коллекционера оказали Священное Писание и труды деяний апостолов, события в которых он воспринимал как совершенно реальный источник (таким же реальным источником для него было Житие св. Иоанна), то исходя из этого он сделал вывод, что в большей части Азии, в т. ч. в Индии, когда-то господствовало христианство. Однако на момент создания книги христианство в Тартарии переживало не лучшие времена, потому что, с одной стороны, по представлению Витсена, оно было заражено ересью, с другой — погибло из-за соседства с магометанами, а также из-за кровавой ереси из государства Тангут (скорее всего, под Тангутом подразумевались Тибет или Непал).

Большое влияние на представления Витсена о Тартарии и Сибири оказала литература времен Крестовых походов, труды путешественников XIII–XVI вв. и собираемые данные от людей, присылавших ему сообщения. Конечно же, на восприятии исследователем информации

отразились стереотипные представления европейцев о Востоке: всё, что противоречило христианству, объявлялось признаком нецивилизованности и варварства. Также, вероятно, на него влиял образ благородного дикаря, свободного от недостатков цивилизации; это соответствовало мировоззрению европейцев XVII в. и даже начала XVIII в., до тех пор, пока этот образ не стал уступать место превосходству европейцев над азиатами.

Очевидно, что на труд Витсена повлияли его собственные представления об окружающем мире или представления европейцев, или синцев, или русских информаторов; также повлияли его географические познания и всё, что было идеальным с точки зрения европейца-голландца. Например, работорговля, презрительное отношение народа к земледелию, шкуры, одежда мехом наружу являлись для исследователя признаками варварства.

Иногда мнение Витсена о том или ином народе менялось в процессе создания труда. Как правило, это происходило, потому что он имел несколько источников информации и сопоставлял полученные сведения исходя из своего интеллектуального круга, воспитания и представлений об окружающем мире. Впрочем, иногда автор книги о Тартарии всецело доверял информационному источнику, просто передавая сообщения, даже не комментируя их; следовательно, его выводы о том или ином народе иногда были противоречивы. К тому же по сей день существуют определенные затруднения по поводу источника тех или

иных сведений, поскольку автор карты и книги не всегда сообщал, кто их передавал ему.

Анализируя отношение Николааса Витсена к государству Российскому, можно проследить изменения. Если в молодости он считал Россию неким варварским царством, в котором ничего не знали ни о науках, ни об искусствах и ничему не хотели учиться, то к моменту написания книги «Северная и Восточная Тартария» Российская империя стала для ее автора источником просвещения окружавших ее варваров, населявших Тартарию. Таким образом, презрительное отношение европейского эрудита к русским в «Путешествии в Московию» сменилось восторженно-восхитительными оценками в труде «Северная и Восточная Тартария». Впрочем, неизвестно, были эти изменения искренними либо это была самоцензура, направленная на то, чтобы Витсену не ограничивали доступ к информации. На этот счет существуют различные мнения; возможно, это была привычка политика. По мнению автора этих строк, Витсен был искренним по отношению к русским в конце жизни, поскольку изучил очень много материалов о Российском государстве, познакомился с реальностью жизни русских XVII в., даже свой труд посвятил Петру I и Ивану V.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть: одним из основных признаков цивилизованности того или иного народа, по утверждению Витсена, были его (народа) представления об окружающем мире, причем как сакральные

представления, так и научные знания о мире, его законах и природе, а также стремление народа к расширению знаний и схожесть этих знаний с европейскими. Если народ имел глубокие знания об окружающем мире и его законах, приобрел много технических навыков, аналогичных европейским, и был готов делиться знаниями с другими, то народ считался цивилизованным, в противном случае — варварским. Степень цивилизованности народа, по убеждению Витсена, определялась еще и следующими факторами: наличие письменности, представление о собственном прошлом (историческая память), о едином боге, гастрономическая культура и т. д. Если научные знания, представления о мире, производственные навыки и гастрономические вкусы народа соответствовали европейским или у народа была часть вышеперечисленного, то Витсен называл его цивилизованным, если нет, то — варварским.

Необходимо отметить, что имагологические представления Витсена несколько отличались от представлений среднего европейца. При отрицательном отношении к тем или иным традициям народов Тартарии, Сибири, Самоедии и Даурии, он пытался осмыслить происхождение этих традиций и объяснить их рационально с точки зрения европейца, т. е. понять их, а не отвергать как что-то недостойное. При этом автор «Северной и Восточной Тартарии» считал, что Россия либо Китай должны изменить те или иные представления о народах Евразии. Конечно, он не утверждал, что всё, что составляло традиции этих

народов, являлось отрицательным; кое-чему можно было бы поучиться у населения Тартарии и Сибири, которое хранило древнее благочестие, в то время как у европейцев XVII в. от этого благочестия осталось одно название. Подобное представление Витсена об ином, по мнению автора этих строк, было существенно лучше, чем полностью европоцентричное представление об идеальном, когда все иное отбрасывалось или насильно уничтожалось. Особенно усилился европоцентризм в XVIII и XIX столетиях и уж тем более на протяжении XX в. Иными словами, представления Н. Витсена о народах, населявших Тартарию и Сибирь, отличались неким плюрализмом по отношению к последующему времени.

Методы интеллектуальной истории позволяют сделать вывод о том, что на Витсена прежде всего повлияли смесь европейских и азиатских представлений о прекрасном или идеальном, а также интеллектуальная среда его эпохи. На амстердамского эрудита оказывали влияние не только европейские интеллектуальные традиции, но и аналогичные традиции стран Востока, с которыми он был знаком теоретически. Все же остается спорным, мог ли Витсен непосредственно и самостоятельно познакомиться с интеллектуальными традициями стран Востока с помощью использования источников на языке оригинала. Некоторые источники он, вероятно, мог исследовать сам с помощью своих лингвистических познаний, другие — с помощью знакомых переводчиков.

В начале исследования казалось, что в представлениях Витсена преобладают религиозно-мифологические воззрения, но все же бесспорно, что на его взгляды также оказали значительное влияние научные знания XVII в. и рационализм.

Таким образом, представления Николааса Витсена о народах Тартарии и Сибири находились под воздействием не только его интеллектуального круга, религиозно-мифологических воззрений и рационально-научных знаний, но и стереотипов об этике и эстетике, сложившихся в Европе XVII в., и ожидания совпадений в этике и эстетике, т. е. морали и красоте, между Западом и Востоком. Всё, что было этично и эстетично на Западе, должно было быть, по убеждению Витсена, этично и эстетично на Востоке; всё, что отличалось от европейских аналогов этики, в т. ч. христианской, и эстетики, критиковалось автором «Северной и Восточной Тартарии».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

1. Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664–1665 / пер. со староголл. В. Трисман ; предисл. Р. Максимовой и В. Трисман. СПб., 1996. 265 с.

2. Витсен Н. Северная и Восточная Тартария / пер. с голланд. В. Трисман. Т. 1, 2. Амстердам : Pegasus, 2010. 1225 с.

3. Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Т. 3 : Научные материалы. Амстердам : Pegasus, 2010. 579 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашин С. Н. Миндонцы в XVIII–XX вв. История меняющегося самосознания // Расы и народы. Вып. 27. М., 2001. С. 22–54.
2. Авеста в русских переводах (1861–1996) / сост., общ. ред., примеч., справ. разд. И. В. Рака. СПб., 1997. 480 с.
3. Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. 204 с.
4. Александров В. А. Юрий Крижанич о Сибири (проблема источников) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 39–58.
5. Алексеев М. П. Один из русских корреспондентов Ник. Витсена [С. Аопуцкий]. (К истории поисков морского пути в Китай и Индию в XVII веке) // Сергею Фёдоровичу Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. 1882–1932 : сб. ст. Л., 1934. С. 51–60.
6. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. Т. I. Иркутск, 1932. 368 с.
7. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей: Введение, тексты и комментарии: XIII–XVII вв. Ч. 1. Иркутск, 1934. 677 с.
8. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / отв. ред. Н. Л. Рубинштейн ; пер. с англ. Ю. В. Готье. Л. : ОГИЗ, 1937. 308 с.

9. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. I : XVII век. Л., 1939. 147 с.
10. Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по истории России // Татищев В. Н. История российская. М. ; Л., 1962. Т. 1. С. 5–39.
11. Андреев А. И. Труды Семёна Ремизова по географии и этнографии Сибири XVII–XVIII вв. // Проблемы источниковедения. М. ; Л., 1940. Т. 1–3. 366 с.
12. Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 2001. 541 с.
13. Банников А. Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай. М. : Географгиз, 1954. 54 с.
14. Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. Т. I. С. 17–65.
15. Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л., 1935. 425 с.
16. Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927. 198 с.
17. Бахрушин С. В. Самоеды в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3.4.1. 247 с.
18. Бахтин А. Г. Русское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. : дис. ... д.и.н. М., 2001. 567 с.
19. Белобородов С. А. Новые биографические материалы о Н. Д. Венюкове // Письменность и книгопечатание : матер. науч. конф. к 100-летию создания славянского

алфавита и 200-летию книгопечатания Сибири. Тюмень, 1989. С. 28–30.

20. Белов М. И. Письма Иоганна фон Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов // Исследования по отечественному источниковедению. М. ; Л., 1964. С. 374–383.

21. Белов М. И. Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М., 1966. С. 58–83.

22. Белокуров С. А. Ю. Крижанич в России. М., 1902–1909. Вып. 13. 210 с.

23. Белокуров С. А. Ю. Крижанич в России // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. М., 1903. Ч. III. С. 1–210.

24. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. ; Л., 1950. Т. 1. 471 с.

25. Боднарский М. С. Великий Северный морской путь. М. ; Л., 1926. 256 с.

26. Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991. 296 с.

27. Ватейшвили Д. Л. Николаас Витсен и его сведения о Грузии // Грузия и европейские страны. Очерки взаимоотношений. М., 2003. Т. I. Кн. 2. С. 278–570.

28. Вахрамеева Е. Е. Стереотипы восприятия Москвитин иностранцами путешественниками в XVII в. // Вестник Пермского университета. Сер. Политол. 2010. Вып. 1(12). С. 75–82.

29. Веневитинов М. А. Русские в Голландии. Великое Посольство 1697–1698 гг. М., 1897. 294 с.
30. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. 611 с.
31. Вилков О. Н. Сибирские бухарцы и торговля в XVII в. // Обменные операции городов Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1990. 205 с.
32. Винтер Е. Нидерланды и Россия накануне Северной Войны. Николаус Витсен и Пётр I // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М., 1966. С. 291–302.
33. Возгрин В. Е. Исторические судьбы крымских татар. М., 1992. 193 с.
34. Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. 211 с.
35. Гамель И. Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Ст. 1 // Записки Императорской Российской академии наук. СПб., 1866. Т. 8. Прил. С. 1–179.
36. Гамель И. Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Ст. 2 // Записки Императорской Российской академии наук. СПб., 1869. Т. 15. С. 181–308.
37. Гваньини А. Описание Московии. М., 1997. 182 с.
38. Гольберг А. Л. Сочинения Юрия Крижанича и их источники // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 6. С. 117–180.
39. Грааф Т. де, Наарден Б. Описание нивхов и айнов и территорий их проживания в XVII веке по книге Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» // Краеведческий бюллетень. Сахалинский гос. ун-т. 2005. № 4. С. 3–63.

40. Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966. 276 с.
41. Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае: «Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова. М., 1966. 156 с.
42. Доброклонский М. В. «Книга Виниуса» — памятник русского собирательства XVII–XVIII вв. // Известия АН СССР. Отделение гуманитар. наук. Сер. VII. 1929. № 3. С. 214–230.
43. Долгих Б. О. Племена Средней Сибири в XVII в. // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1955. Т. 17. С. 29–39.
44. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. 622 с.
45. Дриссей И. Царь Пётр и его голландские друзья. СПб., 1996. 174 с.
46. Дубровская Д. В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). М., 2000. 256 с.
47. Думан Л. И. Внешнеполитические связи Древнего Китая и истоки даннической системы // Китай и соседи в древности и Средневековье. М., 1970. С. 37–50.
48. Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974. 196 с.
49. Есаков В. А., Лебедев Д. М. Русские географические открытия. М., 1971. 536 с.
50. Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1950. 317 с.

51. Завитухина М. П. Н.-К. Витсен и его собрание сибирских древностей // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб., 1999. Вып. 34. С. 102–114.

52. Заметки арх. Палладия о путешествии в Китай казака Петлина // Записки восточного отделения Российского археологического общества. СПб., 1892. Т. IV. С. 306–307.

53. Замысловский Е. Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884. 569 с.

54. Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. 244 с.

55. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства 1635–1758. 2-е изд. М., 1983. 333 с.

56. Иванов В. Ф. Известия Н. К. Витсена о якутах // Известия Сиб. отд. АН СССР. 1971. № 6. Вып. 2. С. 54–59.

57. Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / вст. ст., перевод и комм. М. И. Казанина. М., 1967. 402 с.

58. История Сибири. Т. I : Древняя Сибирь / отв. ред. А. П. Окладников. М., 1968. 458 с.

59. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2 : Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. 458 с.

60. Камбалов Н. А., Сергеев А. Д. Первооткрыватели и исследователи Алтая. Барнаул, 1968. 72 с.

61. Карпов А. Б. Уральцы : исторический очерк. Ч. I. Уральск, 1911. 109 с.

62. Кирпичников А. Н. Россия XVIII в. в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. СПб., 1995. 208 с.

63. Киселёв С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 643 с.

64. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989. 512 с.

65. Книга, глаголемая Большой чертеж, изданная по поручению Имп. Общества истории и древностей российских... Г. И. Спасским. М., 1846. 327 с.

66. Козловский И. П. Андрей Виниус, сотрудник Петра Великого (1641–1717 гг.). СПб., 1911. 79 с.

67. Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003. 490 с.

68. Копаневы А. Н. и Н. П. Северная и Восточная Тартария в России // Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Т. 3 : Научные материалы. Амстердам : Pegasus, 2010. С. 139–176.

69. Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978. 190 с.

70. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. IV : Арабская географическая литература. М. ; Л., 1957. 965 с.

71. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е гг. XVII века. М., 1963. 369 с.

72. Кызласов Л. Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1992. 137 с.

73. Лебедев Д. М. Очерки по истории географии в России XV и XVI веков. М., 1956. 240 с.

74. Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.): Историко-географические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983. 176 с.

75. Любименко И. И. Английский проект 1612 г. о подчинении русского севера протекторату короля Иакова I // Научно-исторический журнал. 1914. № 5. С. 1–16.

76. Мавродин В. В. Русские полярные мореходы: с древнейших времен до XVI в. Л., 1955. 326 с.

77. Марков С. Н. Известие о Севере арабских географов XIV века // Летопись Севера. М. ; Л., 1949. Кн. I. С. 288–291.

78. Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974. 248 с.

79. Мелихов Г. В. Экспансия цинского Китая в Приамурье и Центральной Азии в XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 1974. № 7. С. 55–74.

80. Миллер Г. Ф. Избранные труды. Т. 1. М., 2005. 630 с.

81. Миллер Г. Ф. Избранные труды. Т. 1 : История Сибири. М., 1999. 631 с.

82. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М. : Восточная литература РАН, 1999. 638 с.

83. Милюков С. Г. Думный дьяк Андрей Андреевич Виниус. М., 2000. 351 с.

84. Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М., 1960. 188 с.

85. Моисеев В. А. Джунгарское ханство. М., 1991. 238 с.
86. Мясников В. С., Шепелева Н. В. Империя Цин и Россия в XVII — начале XX в. // Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982. С. 34–89.
87. Наарден Б. Николаас Витсен и Тартария // Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Т. 3 : Научные материалы. Амстердам : Pegasus, 2010. С. 35–98.
88. Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг: его работы по исследованию Сибири. М. ; Л., 1966. 94 с.
89. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М. ; Л., 1948. 452 с.
90. Оглоблин Н. Н. Остяцкие князья в XVII в. // Русская старина. 1891. Т. 71 : Август. С. 395–401.
91. Окладников А. П. Открытие Сибири. М., 1979. 223 с.
92. Окладников А. П. Пенда — забытый русский землепроходец XVII века // Летопись Севера. М. ; Л., 1949. Кн. 1. С. 94–102.
93. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. I. 636 с.
94. Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996. 192 с.
95. Пичета В. И. Ю. Крижанич и его отношение к Русскому государству (1618–1683 гг.) // Славянский сборник : сб. ст. М., 1947. С. 202–241.

96. Полевой Б. П. Водный путь из Ледовитого океана в Тихий. Забытый наказ А. А. Виниуса. 1697 г. (дальнейшая метаморфоза легенды о «необходимом носе») // Сибирский географический сборник. 1964. Вып. 3. С. 224–270.

97. Полевой Б. П. Гипотеза о «годуновском» атласе Сибири 1667 г. // Известия АН СССР. Сер. Геогр. 1966. № 4. С. 123–132.

98. Полевой Б. П. Документальное подтверждение гипотезы М. П. Алексеева: О русском источнике сообщения Н. Витсена, опубликованном в 1974 г. в трудах Лондонского королевского общества // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976. С. 76–81.

99. Полевой Б. П. Николаас Витсен и Россия (Из истории русско-голландских отношений XVII–XVIII веков, преимущественно при Петре Великом) // Россия — Голландия: книжные связи XV–XX вв. / сост. и отв. ред. Н. П. Копанева. СПб., 2000. С. 197–215.

100. Полевой Б. П. Новое о «Большом чертеже» посольства Н. Г. Спафария // Известия АН СССР. Сер. Геогр. 1969. № 1. С. 115–124.

101. Полевой Б. П. О картах Северной Азии Н. К. Витзена // Известия АН СССР. Сер. Геогр. 1973. № 2. С. 124–133.

102. Полевой Б. П. Пётр Первый, Николай Витсен и проблема «сошлася ли Америка с Азией» // Страны и народы Востока. Вып. XVII. Кн. 3. М., 1975. С. 19–33.

103. Полевой Б. П. Сибирская картография XVII в. и проблема Большого чертежа // Страны и народы Востока. Вып. XVIII. М., 1976. С. 213–227.

104. Полевой Б. П., Таксами Ч. М. Первые русские сведения о нивхах-гиляках // Страны и народы Востока. Вып. XVIII. М., 1975. С. 19–33.

105. Полунин Ф. А. Географический лексикон Российскаго государства, или Словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря... / на ижд. хр. Л. Вевера. М. : при Имп. Моск. ун-те, 1773. 479 с.

106. Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. 549 с.

107. Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969. 196 с.

108. Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972. 392 с.

109. Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. 368 с.

110. Путешествие в Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1620 году // Сибирский вестник. СПб., 1818. Ч. IX. Кн. 2. С. 211–246.

111. Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599–1600 гг. // Проезжая по Московии: Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов. М., 1991. 368 с.

112. Путешествие Федора Исааковича Байкова в Китай с 1654 по 1658 год // Сибирский вестник. СПб., 1818. Ч. IX. Кн. 8.
113. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введ. и прим. Ю. А. Арсеньева. СПб., 1882. 214 с.
114. Пушкарёв Л. Н. Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984. 214 с.
115. Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1892. Т. IV. 488 с.
116. Радлов В. В. Сибирские древности. СПб., 1890–1892. Вып. 1–3. Т. 1. 70 с.
117. Радлов В. В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Иркутск, 1929. 26 с.
118. Ремезов С. У. Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семёном Ремезовым в 1701 г. СПб., 1882. 16 с.
119. Рогожин Н. М. Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003. 432 с.
120. Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра. М. ; Л., 1962. 52 с. + 27 табл.
121. Румянцев Г. Н. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа // Записки НИИК. Улан-Удэ, 1953. Вып. XVII. С. 42–51.
122. Савельева Е. А. Андрей Андреевич Виниус, его библиотека и альбом // Россия — Голландия: книжные связи XV–XX вв. / отв. ред. Н. П. Копанева. СПб., 2000. С. 103–123.

123. Санжеев Г. Д. Некоторые вопросы этнонимии и древней истории монгольских народов // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983. С. 47–69.

124. Селезнёв А. Г. Барабинские татары. Истоки этноса и культуры. Новосибирск, 1994. 176 с.

125. Скалон В. Н. Русские землепроходцы XVII века в Сибири. М., 1951. 199 с.

126. Скрынников Р. Г. Ермак. М., 1992. 158 с.

127. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. СПб., 1889. 820 с.

128. Сношения с монголами и китайцами // Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. II. С. 188–191.

129. Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. М., 1989–1991. Т. 5–12. 784 с.

130. Старостин И. И. Рельеф России по данным «Книги, глаголемой Большой чертеж» // Вопросы географии. М., 1949. Сб. II. С. 163–174.

131. Сутормин А. Г. Ермак Тимофеевич (Аленин Василий Тимофеевич). Иркутск, 1981. 176 с.

132. Тальберг Н. История Русской церкви. М., 1994. 960 с.

133. Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М. : Географгиз, 1950. 248 с.

134. Татищев В. Н. История российская. М. ; Л., 1962. Т. I. 500 с.

135. Титов А. Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М. : тип. Л. и А. Снегирёвых, 1890. 253 с.
136. Тихвинский С. Л. Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966. 388 с.
137. Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой половине XIX в. Томск, 1983. 274 с.
138. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001. 752 с.
139. Третьяков П. И. Туруханский край. СПб., 1871. 318 с.
140. Трисман В. Г. О русской этнографической карте XVII века // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М., 1950. Вып. 10. С. 54–56.
141. Трисман В. Г. Русские источники в монографии Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М., 1951. Вып. 13. С. 15–19.
142. Туголуков В. А. Главнейшие этнонимы тунгусов (эвенков и эвенов) // Этнонимы. М., 1970. С. 204–217.
143. Тыжнов И. И. Обзор иностранных известий о Сибири 2-й половины XVI века // Сибирский сборник. СПб., 1887. 208 с.
144. Фишер И. Е. Сибирская история, с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. 632 с.

145. Хайду П. Уральские языки и народы. М. : Прогресс, 1985. 248 с.

146. Хвольсон Д. А. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-али Ахмеда Бен Омар ибн-Даста, неизвестного доселе писателя начала X века. СПб., 1869. 199 с.

147. Цыремпилов В. Б. Этнонимы ойрат и тунгус // Средневековая культура монгольских народов. Новосибирск, 1992. С. 107–112.

148. Чулков Н. П. Ерофей Павлович Хабаров — добытчик и прибыльщик XVII века // Русский архив. М., 1898. Кн. I. Вып. 2. С. 177–190.

149. Шашков А. Т. Юрий Крижанич и Фёдор Трофимов в сибирской ссылке (из истории идейной борьбы третьей четверти XVII в.) // Исследования по истории книжной и традиционной культуры Севера : межвуз. сб. науч. трудов. Сыктывкар, 1997. С. 152–167.

150. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883. 358 с.

151. Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. 537 с.

152. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882. Иркутск, 1883. 778 с.

153. Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1983. 147 с.

154. Яцунский В.К. Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV–XVIII веках. М., 1955. 333 с.

Научное издание

Лесков Дмитрий Сергеевич

**Представления Николааса Витсена
о народах Тартарии и Сибири**

Издательство Российского государственного
профессионально-педагогического университета
г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11

Руководитель издательского проекта С. П. Симаков

Корректор А. Казакова
Верстка А. Деньговой
Дизайн обложки С. Тулли

Подписано в печать 24.10.2024.
Тираж 100 экз. Заказ №
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 9,5.

Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5
Тел.: (499) 322-38-30